

СЕМЬЯ КОНАН И КАРУСЕЛЬ ВОРОВ

Джон
Коннорс

Советско-Япония

Annotation

Конан только вернулся из похода вместе с Карелой, Рыжим Ястребом, к крепости черного мага Аманара. Его нанимает Айана (дриада) защищать Священную Рощу, где сражается с демонами, затем возвращается в Шадизар.

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1995, том 10 «Конан и карусель богов»
Поль Уинлоу. Священная роща (повесть), стр. 5-122 (Пер. с англ. Н. Перумова)

- [Уинлоу Поль](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Эпилог](#)
-

Уинлоу Поль

Священная Роща

Пролог

Ночь была темна и безмолвна, настолько темна и настолько безмолвна, какими ночи бывают только здесь, в далеко оттянувшихся к югу отрогах Акрокеруанских Гор. Свайоли с длинными серебристыми листьями застыли, подняв к Ночному Светилу бледные, вытянутые лица с полузакрытыми глазами, что смотрели из глубины сплетения бесчисленных тонких стволов. Стволы эти поднимались из земли плотными группами, подобно стрелам в колчане. Кругом царили мертвые тишина и покой.

По залитой мраком поляне скользила серебристая тень быстрой дриады, обходившей очередным дозором свои владения. Трава на прогалинах у нее под ногами тотчас начинала тускло мерцать, однако этот слабый свет не в состоянии был пробиться сквозь облака мрака, сгустившегося под кронами окрестных деревьев. Любой, кто дерзнул бы погасить свет своего магического факела, тотчас канул бы в плотную, непроглядную завесу тьмы, царившей повсюду в Роще Свайолей. Лица их были сейчас запрокинуты; прищутив дальновидные глаза, что видели стократ острее орлиных, свайоли смотрели сейчас на звезды, их, единственных, они почитали почти что как равных и потому снисходили до них в своих бесконечных, длившихся тысячелетиями размышлениях. Происходящее же на земле их занимало крайне мало - до недавнего времени.

Лес Свайолей поражал пришельца своей безжизненностью. Ни звука, ни скрипа, ни шороха, ни хлопанья крыльев, ни голосовочных птиц - вообще ничего.

Даже бродяга-ветер не осмеливался просто так, без дела, шуршать их кронами. Стояла глубокая, полная, омывающая душу покоем тишина. Ничто не шевелилось; одна лишь дриада, хозяйка рощи, неспешно плыла от одного свайоля к другому, не задевая ни травинки, ни веточки. Ее прохладные, белые ладони на миг прижимались к стволам - не притаилась ли где коварная болезнь, насланная злым колдовством - и она отходила, тотчас направляясь к следующему своему подопечному.

Ночь шла своим чередом. Волчье Солнце мало-помалу опускалось, клонясь к острой черной грани вершин Акрокеруанского Хребта, более темной, чем даже ночное небо. Звезды спокойно перемигивались в вышине; дриада завершала обход своей рощи.

Сперва казалось, что не случилось вообще ничего существенного - просто высоко в воздухе под покрытыми лесом холмистыми грядами созвездие Мертвой Головы на мгновение закрыла черная крылатая тень. Вздрогнув, дриада подняла глаза, однако так и не смогла ничего разглядеть. Очертания летящего существа были неразличимы - лишь звезды сперва на мгновение гасли, а затем вновь вспыхивали, обозначая путь крылатого создания.

Дриада ощущала безотчетный, липкий страх. Ее пальцы неосознанно-тревожным жестом поднялись к высокому лбу, над которым струились черные как смоль волнистые волосы. Длинные пряди ниспадали до самой земли, окутывая девушку подобно второму плащу.

Несколько мгновений дриада напряженно размышляла, прикусив от волнения нежно-розовую губу блестящими жемчужными зубками. Тень в небесах давно уже скрылась, исчезнув где-то на севере, над острыми вершинами хребтов; на вид в ней не было ничего пугающего или опасного, она не снижалась, не кружила над Лесом Свайолей, однако беспокойство маленькой Хозяйки не проходило. Она поколебалась еще некоторое время и,

отбросив страхи, совсем уже было собралась идти дальше, к своему жилищу в самой глубине Рощи Свайолей, как ночное безмолвие внезапно нарушил хор мягких, музыкальных голосов, на все лады твердивших одно и то же:

- Айана, Айана, спаси нас, спаси, спаси от зла на крыльях, оно летит сюда, оно летит сюда, сюда, сюда!..

И без того молочно-белое лицо Айаны лишилось последних красок от ужаса. Она впилась зубами в кисть руки, чтобы не вскрикнуть, а затем, широко распахнув плащ своих волос, сорвала с пояса своего светло-зеленого хитона небольшую темно-коричневую флейту, вырезанную из корня Древа-Отца свайолей.

Страх дриады волнами расходился по роще, трава испуганно прижималась к земле, кусты поспешно втягивали ветви и сворачивали в трубочки листья. Руки Айаны дрожали, она не сразу смогла подобрать нужный мотив, но вот наконец ее пальцы легли как следует на отверстия клапанов флейты и над замершей Рощей полетела тревожная, прерывистая мелодия, для которой куда больше подошел бы громогласный и хриплый рог отряда наемников...

Твари, неведомые Твари из Тьмы, враждебные всему живому, вновь разгуливали по многострадальной земле.

Глава 1.

В Шадизаре Проклятом третий день шел ливень. Улицы превратились в грязевые реки; жители отсиживались по домам, немногочисленные же прохожие утопали по колено в жидкой размокшей глине. Лавки были почти все закрыты, а в тавернах собирались лишь немногочисленные завсегдатаи.

И лишь в Воровском Квартале, в так называемой Пустыньке, во всех кабаках и борделях жизнь была ключом. Буйный и не стремящийся к встрече с городскими стражниками люд оказался на время дождей без работы - те, чьи кошельки они срезали или чьи дома грабили, сидели по своим норам, не давая благородному воровскому сословию в полной мере показать свои таланты - чем обитатели Пустыньки, понятное дело, были немало возмущены.

Одни лишь хозяева трактиров и распивочных были премного довольны благодаря неожиданно свалившемуся ненастью их торговля процветала. Одуревшие от скуки лихие обитатели Пустыньки пили, играли в карты, спорили, дрались, похвалялись, занимались любовью, не слишком стесняясь окружающих, снова пили - и платили.

И потому толстяк Абулетес, содержатель известного постоянного двора в самом сердце Пустыньки, лишь напускал на себя печальный и озабоченный вид, когда многочисленные посетители его заведения в сотый раз за вечер поносили на чем свет стоит погоду и безмозглых богов, которые вздумали таким образом освежить шадизарские улицы. Дело было и впрямь плохо. Все аристократы или богатые купцы сидели по домам, а их слуги предпочитали подворовывать вино из хозяйствских погребов, нежели тащиться до ближайшей харчевни. Лишь очень немногие из воров, настоящие мастера своего дела, решались выходить на промысел в эти поистине неблагоприятные дни.

Дело шло к полуночи. Вовсю чадили плошки с прогорклым маслом, кое-как освещая небольшую, полную людом харчевню. Стоял густой, тяжелый запах немытых человеческих тел, дешевых благовоний, которыми пользовались местные девки, жареной требухи, каковой хитроумный Абулетес в основном и потчевал своих посетителей - хотя, разумеется, кое для кого у него имелось и мясо, и доброе туранское вино.

Дело шло к полуночи. Сегодня здесь не было чужаков; собирались все свои. И разговоры поневоле крутились вокруг одного - скоро ли наконец кончатся эти проклятые ливни.

- А вот Конана что-то не видно, - заметил карманник Фархиз, обращаясь к Вардубу, коренастому немедийцу, промышлявшему в Шадизаре высокую искусством взлома.

- Откуда ж ему тут взяться, - проворчал Вардуб, в свою очередь метая кости из стаканчика на грязный, залитый жидким вином и подливой от требухи стол - он никого не слушает. Сказал, что киммериец не останется под крышей только из-за того, что небесам было угодно пролить нам на грязную голову несколько чашек чистой воды... Так, строю "малый треугольник" со второй попытки и еще одну оставляю... Одиннадцать очков. Ходи. Твой ход...

Фархиз взял протянутый ему стаканчик с костями, и игра продолжилась.

Однако приятели не успели метнуть кости еще и по разу, как плотно закрытая для защиты от непогоды дверь внезапно распахнулась и на пороге возникла высокая, широкая в плечах фигура, с ног до головы закутанная в грубый суконный плащ. По длинному ворсусу потоком стекала вода.

- Уф-ф-хр! - вошедший сорвал мокрый плащ и ткнул его в руки оказавшейся рядом служанки. - Эй, повесь-ка его просушиться, да поближе к очагу, а если там окажется чье-нибудь тряпье - на моем всегдашнем месте - скинешь его на пол и устроишь мой плащ, понятно? Фу, ну и погодка...

- Хо, Конан, ты ли это! - воскликнул Вардуб, отрываясь от игры.

- Я, я, или ты совсем ослеп, пытаясь разобрать точки на этих дурацких кубиках? - бросил в ответ новоприбывший, не поворачивая головы, и неспешно водрузил поджарое, мускулистое тело, широкое в плечах и узкое в талии на поспешно очищенное мелкой шпаной место подле самой стойки Абулетеса. - Вина! Да поскорее! - Рука киммерийца швырнула на стойку небольшую золотую монету, и по харчевне прокатился вздох невольного восхищения и зависти - все знали, что утром у северного варвара не было ни гроша... значит, он ухитрился заставить Бога Воров улыбнуться ему даже в этот, самый что ни на есть неподходящий день. Конан вернулся с добычей!

Конан совсем недавно вернулся из своего жутковатого и, если разобраться, не слишком-то удачного похода вместе с Карелой, Рыжим Ястребом, к крепости черного мага Аманара. Однако о том, что ему довелось вынести в этом предприятии, он предпочитал не распространяться. Как бы то ни было, он вновь обосновался в Пустыньке, на втором этаже постоянного двора Абулетеса и занялся привычным воровским ремеслом.

Девятнадцатилетний Конан благодаря своим сила, ловкости и звериной отваге северного варвара мог смело выйти на поединок с любым, даже самым опытным мечником Шадизара. Мускулы на груди, руках и спине варвара вздувались мощными буграми; холодные ярко-синие глаза столь редкого для жителей Юга цвета смотрели пристально и холодно, и горе было тому, по чьей вине в них начинало разгораться гневное пламя!

Прямые черные волосы Конан стянул на лбу кожаным шнурком; заношенная и потертая кожаная же куртка с закатанными до локтя рукавами и просторные холщовые штаны, по моде бритунских племен, очень удобны для лазания по заборам и крышам, дополняли его наряд. На запястьях киммерийца были видны недавно зажившие шрамы.

Абулетес поймал брошенную ему монету с ловкостью уличного жонглера. Один короткий взгляд на желтый тяжелый кружок - и спустя мгновение перед Конаном появилась целиком зажаренная баранья нога и пузатый глиняный кувшин с холодным вином. Схватив кость обеими руками, киммериец жадно впился зубами в сочную мякоть.

Одна из девиц, имевшихся в таверне Абулетеса для веселения почтенных гостей, подошла к киммерийцу. Полные бедра соблазнительно покачивались; что-то одобрительно проворчав, Конан тотчас облапил ее. Карела осталась в прошлом... а клин, как известно, клином вышибают.

Фархиз и Вардуб многозначительно переглянулись. Северянин, сам того не желая, был неплохим рассказчиком; его живой ум легко подбирал слова: Конана любили слушать. А повествование киммерийца о его удаче - разумеется, лишь в очень узком кругу относительно доверенных лиц способно развеять скуку куда лучше уже опостылевшей игры.

Итак, Конан ел, спеша насытиться; карманник, взломщик и еще двое-трое бывальных воров предвкушали захватывающий рассказ киммерийца; девица на коленях у варвара тоже предвкушала кое-что, тот редкий случай, когда она получит удовольствие не только от заработанных ее ремеслом денег, но и от самого занятия, предшествующего плате; Абулетес прикидывал, на сколько дней хватит добычи Конану, и не послать ли спешно пополнить запасы вина...

Дверь робко скрипнула. Именно робко скрипнула, не отворилась привычной рукой завсегдатая и не была открыта мощным пинком ногой одной из тех немногих особ, что имели на это право, кроме Конана - а именно робко скрипнула, и в разгульную таверну Абулетеся осторожно вошла тонкая, очень бледная девушка в светло-зеленом перехваченном поясом плаще; роскошные черные волосы, закрученные в толстую косу, спускались до талии и вновь поднимались к затылку, из чего следовало, что, распущенные, они должны были бы доходить до земли. Огромные зеленовато-серые глаза со страхом смотрели на разудалое общество за столами; сжатые в кулаки руки странная посетительница прижимала к груди. На ней не было заметно никаких украшений или драгоценностей, даже волосы на затылке скрепляла простая деревянная заколка.

Собравшиеся дружно вытаращили глаза и разинули рты. Незнакомка была потрясающе красива какой-то дикой, первобытной, нечеловеческой красотой, и в то же время в этой красоте не ощущалось ни капли чувственности.

Все трое девиц Абулетеся, как по команде, дружно фыркнули и уже приготовились напуститься на дерзкую конкурентку (в их жалком представлении никем иным странная гостья и не могла быть); кое-кто из гостей уже одобрительно крякнул, пытаясь пробраться для начала хотя бы взглядом под светло-зеленый ее покров - как странная посетительница заговорила первой:

- Конан из Киммерии... Я ищу Конана из Киммерии... Мне сказали, что он живет здесь.

- А зачем это он тебе понадобился, крошка? - проревел здоровенный детина-кенакцианец, зарабатывавший себе на жизнь убийством за деньги. Посмотри, сколько здесь славных парней! Или я тебе, к примеру, не нравлюсь, а?

- Кто это тут собрался вякать, если она пришла ко мне?! - киммериец поднялся, внушительно поведя плечами. - Дьюлк, шакалье отродье, лучше бы ты помалкивал, а то твои шутки, за которые я тебя еще терпел это время, становятся куда как рискованными!

- Да что ты, Конан, я ж разве бы мог... - забормотал тотчас сникший детина.

Никто не засмеялся - крутой нрав киммерийца был уже давно известен всем завсегдатаям таверны Абулетеся...

- Ну, то-то, - внушительно произнес Конан, для верности показывая Дьюлку здоровенный кулак. Северянин одним громадным глотком отправил по назначению остававшееся в чаше вино, не слишком бережно ссадил с колен обиженно поджавшую губы девицу и поднялся, поворачиваясь к вошедшей.

- Я Конан. У тебя ко мне дело?

- Да, - еле слышно пролепетала девушка, стараясь встать в самой середине свободного пространства между столами харчевни, подальше от пьяных рук и физиономий.

- Тогда пойдем, - Конан шагнул к ведущей наверх лестнице. Его заблестевшие глаза не без удовольствия скользнули по точеной, стройной фигурке незнакомки. Конечно, куда до нее тем коровам, что промышляли в абулетесовом заведении!

Шлюхи проводили поднимавшуюся следом за киммерийцем гостью злобными взглядами, однако ни на что большее не решились - рука у Конана, всем известно, была тяжелая. Фархиз и Вардуб понимающие причмокнули - девочка и впрямь была что надо. И как же они все-таки липнут к киммерийцу!..

Северянин толкнул одну из дверей на верхнем этаже таверны. Его жилище выглядело сиротливо и голо, комнату можно было бы назвать почти пустой, если не считать лежака в одном углу да простой деревянной лавки с лоханью в другом.

Киммериец уселся на лежак и жестом предложил гостью устраиваться на лавке. Девушка с сомнением покосилась на покрытую застарелой черной грязью поверхность дерева и осторожно опустилась на самый краешек.

- Как тебя зовут? - спросил Конан, разглядывая странную гостью во все глаза. - Отродясь не видывал таких, как ты. Откуда ты родом? Из Турана?

- Я - Айана, - слабо прошелестело в ответ - словно ветер зашуршал листьями. - Я... Я не из Турана, Конан. Я издалека... Не будем пока говорить об этом. В свое время ты все узнаешь... если захочешь, конечно.

- Так, а что же тебе тогда нужно от меня, Айана Ниоткуда?

- Я... Хотела просить тебя сослужить мне одну службу, - Айана не отрывала взгляд от пола.

Надо сказать, что в Шадизаре Конан заслуженно пользовался репутацией лучшего и самого удачливого взломщика, к его услугам нередко прибегали даже богатые купцы и родовитые аристократы, прося киммерийца выкрасть либо компрометирующее письмо, либо подарок, неосторожно сделанный коварной куртизанке... К подобного рода поручениям Конану было не привыкать и он решил, что понимает, в чем тут дело.

- Это какую ж такую службу? - усмехнулся киммериец. - Нужно вытащить из кошеля вчерашнего любовника-простолюдина неосторожно-нежное послание, так, чтобы не узнала матушка?

- Нет, нет, вовсе нет, - Айана слабо улыбнулась, однако улыбка вышла у нее довольно-таки бледной. - Я хочу просить тебя о помощи твоего меча.

- Это убить кого-то, что ли? - глаза варвара сузились, голос стал заметно суще и холоднее. - Тогда это не ко мне, женщина. Я не убиваю за деньги. Иди вниз, там сидит предостаточно шакальего отродья, которое за медный грош собственного отца зарежет!

- Постой, не сердись, Конан! - Айана умоляюще протянула к нему руки. Я должна многое объяснить тебе. Я прекрасно знаю, что ты - не наемный убийца. Кстати говоря, именно поэтому я и обратилась к тебе... Мое дело совсем иного свойства. Мне нужно... я хотела... - она замялась, словно не решаясь произнести нечто самое важное, - в общем, я хотела просить тебя, чтобы ты тридцать три дня, считая от новой луны, что наступит через двое суток, согласился бы охранять мою рощу.

- Что-что? - Конан ошарашено уставился на темноволосую гостью. Такого, признаюсь, мне еще не предлагали, - он в изумлении покачал головой. - Я вор, женщина, вор и взломщик, как говорят - один из лучших во всей Заморе, и сторожить какие-то там садики не по мне. Что, трудно найти обходчика с дубинкой?

- Это совсем особая роща... - Айана вновь замялась. - Она очень, очень ценная, она не имеет цены. Есть, увы, немало злоумышленников, что тотчас пустили бы ее под топор ради больших барышей. Через тридцать три дня там появится постоянный сторож, но... я жду нападения именно сейчас. И я щедро отблагодарю тебя!

- Гм... сомневаюсь, - буркнул в ответ Конан, со свойственной молодости беспечностью пропустивший мимо ушей замечание об ожидаемом нападении и думавший в тот момент только о награде. - Сомневаюсь. Что-то ты не слишком богато одета для солидной нанимательницы!

- Тогда смотри! - Айана протянула вперед сложенные горстью ладони. Они были полны золотых монет, причем не каких-нибудь там шадизарских или зингарских, а полновесных, солидных монет Турана, чьи гордые императоры еще не унизились до того, чтобы

подмешивать медь в изделия своих казначейств.

Киммериец тихонько присвистнул. Блеск золота слепил глаза; он даже и не подумал успокоиться тем, что не видел, откуда достала деньги его странная собеседница.

- Это за один день, - поспешила сказать девушка.

- За это ты можешь нанять целую армию, и не на день, а по крайней мере на месяц, - пробормотал Конан, пристально глядя на золото. "Что-то уж слишком они новые да гладкие, будто прямо из-под чекана, с монетного двора", - мелькнула беглая мысль, однако в тот момент Конан решил не придавать ей значения.

- А почему именно я? - осведомился он.

- Ты самый лучший боец во всем Шадизаре, как, впрочем, и во всей Заморе, - улыбнулась ему Айана.

Комplимент из уст столь прекрасной собеседницы попал точно в цель. Взгляд киммерийца потеплел, поневоле стали возникать различные приятные мысли о том, как славно было бы отведать прелестей этой красотки, и потому Конан не задал тех обязательных вопросов, без которых наверняка не обошлось бы, будь он хоть на пяток лет старше. А ведь уже тогда киммериец слыхал об изощренном коварстве кушитских охотников за рабами, способных придумать самые невероятные уловки, чтобы заполучить требуемый товар... - А от кого надо будет охранять... твою рощу? - спросил он, внутренне уже согласившись.

- От любого, кто попытается войти в рощу, не назвав тебе пароля.

- Но я же не могу носиться вокруг нее день и ночь. Нужны помощники, нужна смена, это понимают даже самые тупые десятники в армии этого пьяницы Тиридата, - возразил Конан.

- Увы, но я могу привести только тебя одного, - вздохнула Айана окончательно упавшим голосом.

- Меня одного? - удивился Конан. - Кром, ты говоришь какими-то загадками!

- Прошу тебя, поверь мне! - вдруг горячо взмолилась Айана, падая перед киммерийцем на колени. - Не спрашивай ни о чем, Конан, поверь, просто поверь, ведь золото у тебя в руке - самое настоящее!

Северянин почувствовал себя неловко. Конечно, Карела тоже просила и умоляла его, стоя на коленях, но... там было все совсем по-другому.

- Встань, плащ замараешь, - буркнул он, отводя взгляд. - Ладно, женщина! Будь по-твоему. Значит, тридцать три дня, считая от новолуния? И такая вот пригоршня золота каждый день?

- Ты согласен? - замирающим голосом произнесла Айана, и прежде, чем варвар успел остановить ее, она обняла его ноги.

- Согласен, согласен, и хватит тут ползать! - рассердился Конан. Пусть никто не сможет сказать, что я испугался последовать за женщиной, которая просила о помощи! Но скажи же мне, долго ли нам добираться до этой твоей рощи? Надо ж запастись провизией, лошадьми...

- Лошади у меня наготове, припасы тоже, - поспешила сказать девушка. - А ехать нам с тобой недолго - эту ночь да следующий день.

- Что, надо выезжать прямо сейчас? - неприятно удивился Конан. - Во имя Митры, разве нельзя подождать, пока кончится дождь?

Айана отрицательно покачала головой.

- Это будет стоить тебе еще одну такую же пригоршню монет, - злорадно сообщил ей

Конан и принял с собой.

Глава 2.

По правде говоря, сборы Конана оказались очень недолгими. Он переоделся, лишний раз провел точильным камнем по лезвию меча, не без удовольствия пересыпал в свой кошелек полученную плату, потуже подпоясался и заявил, что готов.

Под изумленными взорами всей таверны Конан и Айана молча прошествовали к дверям.

- Эй, счастливого тебе пути, киммериец! - крикнул им вдогонку Вардуб.

На улице по-прежнему хлестал дождь. Айана подвела варвара к стоявшим под навесом оседланым коням.

- Хороши, - заметил киммериец. - Отличная порода! Я таких не видывал и у турецких купцов.

- Они из моих краев, - чуть помедлив, ответила девушка. - Но мы никому и никогда не продаем их...

- Глупо, по-моему, - напрямик заявил Конан. - За таких красавцев и сам правитель Турана не пожалеет золота!

Айана ничего не ответила. Тронув поводья, она пустила коня шагом, варвар последовал за ней - говорить в этом ливне все равно было невозможно.

Они оставили позади узкие, кривые, заполненные грязью улицы Пустыньки; миновали кварталы ремесленников и мелких торговцев; проехали центральную, более или менее чистую часть города и оказались наконец подле наглоухо закрытых по ночному времени внешних ворот. Как и положено, толстенный брус засова был вдвинут до упора, в окне караульни рядом мерцал едва заметный огонек.

- Не советовал бы я тебе будить славную и доблестную нашу стражу, - с презрительной усмешкой бросил насквозь промокший к тому времени Конан. - Ты намерена перелететь через стену?

- Отодвигай запор, - ответила Айана. - И не беспокойся за стражу.

- Вот как? - Конан поднял бровь. - Слушай, женщина, ты наняла меня, но я тебе не тряпичная кукла, с которой ты можешь делать все, что угодно! Меньше всего я желаю устраивать здесь состязание по фехтованию со стражниками!

- Они все крепко спят, - терпеливо ответила Айана. - Я обо всем позаботилась. Отодвигай!

Конан бросил угрюмый взгляд на свою спутницу, однако она не отвела глаз.

- Открывай! - повторила девушка настойчивее.

Киммериец пожал плечами, спешился и налег могучим плечом на торец бревна, запирающего ворота. Он отлично знал, что при любой попытке сдвинуть засов в караульне должны были зазвонить колокольцы и стража обязана была оторвать задницы от лавок хотя бы для того, чтобы получить свою всегдашнюю мзду. Киммериец весьма сильно сомневался в служебном рвении охранников, однако был абсолютно уверен в их корыстолюбии...

Все оставалось спокойно. Хмыкнув, Конан продолжал налегать на запор.

- А ты беспокоился, - невозмутимо заметила Айана, когда их кони миновали ворота.

- Да уж не колдунья ли ты? - не слишком радостно осведомился Конан. Женщина, предупреждаю тебя - мне случалось убивать и чародеев!

- Мне прекрасно известно об этом, - ответила девушка. - Взять хотя бы хозяина Башни

Слона! Но я не собираюсь тебя обманывать. Да и сам подумай если я была бы чародейкой и задалась бы целью убить тебя - зачем мне тащить тебя куда-то в ночь и непогоду, если я могла бы усыпить всю таверну, не исключая и тебя, безо всяких хлопот?..

Конан ничего не ответил, однако его правая рука плотнее сжала рукоять меча.

Они ехали и ехали сквозь дождь и тьму, направляясь куда-то на юг от Шадизара. Айана молчала; Конан следовал за ней в нескольких шагах, напряженный и внимательный, готовый к любой неожиданности. Он не доверял своей странной проводнице.

Позади оставались хорошо знакомые окрестности заморанской столицы. Поля и деревеньки перемежались богатыми виллами знати; нарядные постройки окружали густые сады. Айана ехала по торной дороге, никуда не сворачивая.

"Хотел бы я знать, где ж это в пределах одного дня пути от Шадизара находится эта роща? - ломал себе голову Конан. - Кром, что-то я не припомню так далеко ни одной усадьбы! Разве что храм? Нет, храмов вроде там тоже нет... Тогда что же? Или она собирается затащить меня куда-нибудь? Может, я приглянулся какому-нибудь чародею и тот жаждет принести меня в жертву своему дурацкому божку?" Киммериец верил в Крома, могучего и жестокого бога, который, однако, был неподкупен и не интересовался какими-то там жертвами.

Дождь хлестал не ослабевая.

"И как она только выдерживает все это? - дивился киммериец, глядя с невольным уважением на свою спутницу. Даже ему, закаленному и холодом, и ветром, нелегко было провести в седле всю ночь, подобную этой. - Льет как из ведра, а она, по-моему, даже и не промокла ничуть..."

Лошади, от которых тоже трудно было бы ожидать резвости в такую погоду и по такой дороге, однако бежали вперед весьма бодро. Айана не подавала признаков усталости, и киммериец, стиснув зубы, решил, что скорее заложит свою душу по сходной цене какому-нибудь демону, чем выкажет себя слабее этой тонюсенькой, как былинка, длинноволосой девчонки. И еще - его, уже успевшего привыкнуть к легким любовным победам, несколько задело полное равнодушие нанимательницы к его мужской стати...

На рассвете они остановились на придорожном постоялом дворе. Швырнув мальчишке ловко пойманную тем мелкую серебряную монетку и велев ему позаботиться о лошадях, Конан подошел к хозяину заведения. Киммериец несколько раз останавливался здесь, и владелец узнал его.

После нескольких ни к чему не обязывавших фраз северянин выложил на стойку матово блеснувшую туранскую монету из числа полученных им от Айаны. Глаза трактирщика увлажнились, при ее виде он судорожно сглотнул - все его дело можно было купить самое большее за пару таких монет...

- Слушай, она будет твоей, если ты скажешь мне, есть ли где-то в дне пути от твоей таверны какая-нибудь заповедная роща, или хоть что-нибудь, пусть даже отдаленно на нее похожее, - бросил киммериец, не спуская глаз с двери, за которой скрылась его спутница.

На лысине трактирщика даже проступил пот, он долго мычал, фыркал, морщил лоб и обнаруживал иные признаки напряженной работы памяти, однако, к крайнему разочарованию Конана, так и не смог указать ему подобного места.

- Во имя Митры и Асуры, - тихо хрипел хозяин. - Я очень хочу получить эту монету, но лгать тебе все равно не стану. Я знаю все здешние места на три дня пути от моей харчевни в любую сторону; и, клянусь тебе Подземными Богами, здесь ты не найдешь ничего подобного.

Храмы если и есть, так только в деревнях. Усадьбы ты уже проехал, дальше только несколько имений, но там вся земля распахана. Есть, конечно, несколько рощ.. но я сам много раз бывал в каждой из них и скажу тебе прямо - никакие они не заповедные.

- Н-да, - на скулах киммерийца вспухли желваки. - Ну, ладно, монета все равно твоя - за правдивость.

Рука трактирщика метнулась к увесистому желтому кружку быстрее бросающейся на добычу гремучей змеи.

- Послушай, Конан, - вдруг произнес хозяин шепотом, несколько раз украдкой оглянувшись по сторонам. - Я благодарен тебе по гроб жизни и хочу помочь тебе всем, чем только смогу. Ответь мне - не наняла ли тебя эта черноволосая особа, с которой ты приехал?

Киммериец оторопел.

- Послушай меня, я желаю тебе добра, - продолжал горячо шептать трактирщик. - Я вспомнил ее! Год назад, именно в это время, она проезжала здесь и останавливалась на моем дворе. С ней еще был некто Гатадес, бывший капитан гвардии Тиридата, причем не придворный холуй, а рубака из настоящих! Так вот, туда он с ней проехал... а обратно уже не вернулся.

- Гатадес! - глаза Конана сверкнули. - Ты точно помнишь это?!

- Как перед истинным богом! - ударил себя кулаками в грудь хозяин.

- Я слыхал об этой истории, - медленно произнес Конан. - Об этом судачили какое-то время в Шадизаре... Гатадес и впрямь исчез и никто не видел его с тех пор - ни живым, ни мертвым...

- Это какая-то западня, Конан, - трактирщик облизнул пересохшие от страха губы. - Мой тебе совет - садись на коня и скачи назад! А уж эту я как-нибудь да спроважу... куда подальше.

- Ну вот уж нет, - с расстановкой произнес киммериец. - Уж теперь-то я точно поеду с ней! Позор мне отступать там, где не струсили южанин!

- Не струсить-то он не струсили... да только это глупость, а не храбрость! - решился возразить помрачневшему киммерийцу хозяин. - Назад-то он не вернулся!

- Но и трупа его тоже не нашли, - ответил Конан, прекращая разговор, и отправился в снятую им для них с Айаной комнату. По пути он прицепил за ухо тащившего целый поднос яств поваренка и притащил с собой еще и обильный завтрак.

- Давай-ка подкрепимся. Еще целый день спину ломать...

Они ели в молчании. Айана не поднимала глаз на внимательно разглядывавшего ее киммерийца.

- Послушай, женщина, а от кого мне все-таки придется охранять твою рощу? - вновь спросил Конан. - Это будут люди? Или звери? Или... не те и не другие?

- Мои уста должны оставаться запертыми до тех пор, пока мы не очутимся в моей роще, - лицо Айаны выражало крайнее отчаяние. - Я понимаю, что тебе мое поведение должно показаться весьма подозрительным...

- Оно мне и кажется подозрительным! - жестко ответил Конан.

- Но я и впрямь ничего не могу сказать тебе! - умоляюще продолжала Айана. - Ведь рассуди сам, будь это ловушка - разве не имела бы я сотни самых что ни на есть убедительных историй на все случаи жизни?

Конан в замешательстве пожал плечами. Он уже был достаточно искушен в искусстве обмана, коим столь виртуозно владели люди юга, в отличие от его жестоких, но куда более

прямодушных сородичей. Слова тут не значили ничего. За самой искренней, самой горячей речью могла скрываться гнусная и предательская западня. Однако этой Айане ему отчего-то хотелось верить... хотя он и гнал, как мог, от себя подобные мысли.

Киммерийца так и подмывало спросить Айану о Гатадесе; однако не следовало раньше времени выдавать то, что знаешь несколько больше, чем предполагает эта красивая и загадочная черноволосая девица...

- Ладно. Тогда все обсудим на месте, - как можно более спокойно и беспечно сказал он, вплотную занявшись завтраком.

Весь день после этого путь их протекал без всяких происшествий. Земли здесь, между Шадизаром и Аренджуном, в самом сердце королевства Заморы, были густо заселены и, как ни старался горький пьяница Тиридат вконец разорить страну из рук вон плохим управлением и непомерными налогами, ему это пока не удалось, и попавшиеся Конану деревни имели довольно-таки зажиточный вид. Двигались купеческие караваны; крестьяне на ослах спешили по своим делам; мир казался прочным, привычным и понятным, где уже не может быть места ничему волшебному или чудесному...

Но уж кто-кто, а Конан знал, что это совсем не так.

Наступил вечер, а они по-прежнему ехали по широкому торговому тракту.

- Не пора ли появиться твоей роще? - не выдержал наконец киммериец.

- Видишь вон те пальмы на холме? - вместо ответа вытянула руку Айана. Нам с тобой туда.

- Туда? - удивился Конан. - Да ведь это всего лишь три пальмы, за ними ложбина, а там вряд ли что-нибудь растет, кроме верблюжьей колючки!

- Погоди, нам осталось совсем немного, - Айана положила руку на предплечье Конана. Киммериец хмыкнул и промолчал.

Девушка повернула коня и действительно направила его к трем стоявшим отдельно пальмам. Киммериец следовал за ней; и меч его был до половины вытащен из ножен.

- Мы приехали, - чуть торжественно произнесла Айана, оборачиваясь к Конану.

Северянин настороженно огляделся. Они стояли на вершине невысокого холма, на котором одиноко торчали три старые пальмы. За холмом, как и сказал Конан, тянулась унылая серая ложбина, лишь кое-где покрытая редкой пустынной растительностью.

- Что-то не вижу я тут никакой рощи, - прорычал киммериец. Засады здесь устроить было явно негде, и у него мелькнула мысль, что он имеет дело с умалишенной.

- Оглянись, - прозвенел голос Айаны, и киммериец ощущил затылком поток влажного воздуха. Инстинкт, однако, заставил его сперва отъехать на несколько шагов в сторону от Айаны и только потом повернуться.

Дорога куда-то исчезла. Прямо перед собой Конан увидел край глухого, девственного леса, чем-то напомнившего ему горные чащобы его родной Киммерии. Он мгновенно взглянул в другую сторону - там расстилалась ровная степь, вся покрытая густой травой, почти в половину человеческого роста. Справа и слева тянулись высокие гряды поросших лесом холмов, а еще дальше, прямо перед ним, вздымались уходящие в поднебесье горные вершины, поблескивая белоснежными коронами.

- Эт-то что такое?!.. - только и смог выдавить из себя киммериец.

- Мы на краю моей рощи, которую ты взялся охранять тридцать три дня, спокойно сказала Айана.

- Где мы?! Что это за колдовство?! Ты напустила мне в глаза чародейского тумана, и ты

поплатишься за это! - взревел варвар, выхватывая меч.

- Погоди! - взмолилась Айана. Она поспешила соскочила с коня и шагнула к Конану, поднимая вверх безоружные руки... - Выслушай меня! Я одна, и я в твоей власти, но, умоляю, выслушай меня, прежде чем судить! Я не человек, Конан из Киммерии. Я дриада, хранительница и хозяйка этой рощи - священной Рощи Свайлей. Это последнее место на нашей земле, где они еще остались мыслящие бессмертные деревья, деревья с человеческими лицами... Бессчетные века они внимали всему, что происходило в мире. Еще сильнее их занимали события в звездных пределах, в обителях Богов и небожителей. Через немногих посвященных великое знание приходило в мир людей - и тех, кто жил до них отвращая мыслящих, наделенных душой существ от путей Зла. И издавна, наверное, с самых первых дней существования этой рощи Боги Тьмы старались уничтожить ее. Шесть других, подобных этой, уже пали. Моя - последняя. Если замыслы Тьмы воплотятся, Светлым Божествам - таким, как Митра, Асура, Индра или твой Кром - вряд ли удастся устоять перед написком ратей Сета, Великого Змея, Повелителя Ночи, Властителя Демонов... Слышал ли ты, Конан, когда-нибудь о Зеленом Братстве, о Зеленых Храмах? Это священные обители тех, кто постигает мудрость тысячелетий, накопленную свайолями. Они, эти посвященные, не ищут ни власти, ни богатства. Они лишь стараются хотя бы немного усмирить бушующие в людях звериные страсти, их безумную тягу к уничтожению себе подобных...

- Слушай, давай по-простому, - бесцеремонно перебил дриаду Конан.

Для него в ту пору подобные разговоры значили не больше, чем жужжение мошек вечерней зарей. Мысли его были сейчас заняты одним - как выбраться отсюда? Киммериец совершенно не собирался класть свою голову во славу каких-то там деревьев-уродов, не иначе как странных южных Богов, обзаведшихся человеческими лицами... "Я должен выбраться отсюда!" - звенело в ушах киммерийца. Он не обратил внимания даже на признание Айаны в том, что она - не человек.

- Ты обманула меня, женщина. Когда мы уговаривались, ты не сказала ни слова о том, что роща заколдована; ты не сказала ни слова о том, что охранять ее мне придется не от каких-нибудь там охотников за редкими древесными маслами - а от демонов Тьмы, если я правильно тебя понял! Благодарю покорно, - он издевательски поклонился, - с меня хватило одного ожившего мертвеца, оказавшегося куда как прытким! Вот тебе твое золото отправляй меня обратно, слышишь?! Я не заключаю союзов с теми, кто не держит слова.

- Я не отправлю тебя обратно, Конан из Киммерии, - звенящим от волнения голосом ответила Айана. - Можешь не верить мне, но дорогу домой тебе закрывают чары куда сильнее моих. И лишь проведя здесь оговоренный срок, ты сможешь вернуться. Если хочешь, убей меня - может, тебе станет от этого легче. Моя жизнь - ничто в сравнении с жизнью этих последних свайлей. А кроме того, убив меня, ты все равно не сможешь вернуться. Тебе так или иначе придется вступить в бой с теми, кто вот-вот появится здесь - иначе они сотрут с лица земли и саму рощу, и всех, кто окажется в ней.

- А чего это ради я буду сидеть здесь и ждать, пока меня сожрет какой-нибудь дракон? - возразил киммериец. - Оставайся себе в своей роще, а я устроюсь где-нибудь поблизости. Тридцать три дня уж как-нибудь проживу!

- Всемогущий Кром, что же случилось с лучшим из твоих суровых сыновей? - с мукою в голосе воскликнула вдруг Айана, поворачиваясь к северу. - Тот, кто раньше бросался в бой по первому зову сердца, ныне торгуется, словно последний наемник, да еще и трусливо бежит от опасности!

Рык взбесенного Конана заставил бы поджать хвост и убраться восвояси самого льва.

- Твои крики никого и ни в чем не убедят, - заявила Айана. - Ты просто трусишь, а я еще считала тебя самым лучшим бойцом Заморы!

Старый, как мир, прием тем не менее достиг цели. Некоторое время Конан еще продолжал бушевать, однако мало-помалу его гнев проходил.

- Войдем в рощу, - предложила Айана. - Ты должен взглянуть на все собственными глазами.

Все еще недовольно бурча, - он терпеть не мог, когда ему что-то навязывали, - киммериец последовал за дриадой.

И, едва он пересек границу отбрасываемой ближайшим деревом тени, как мир вокруг него вновь волшебным образом изменился. Воздух сделался необыкновенно свеж, чист и полон благоухания. Нежно-изумрудная листва, казалось, слабо светилась под лучами яростного солнца. Здесь почти не оказалось подлеска - величественные деревья возвышались в гордом одиночестве, и извины их мощных корней прикрывали лишь толстые слои сухих, опавших листьев. Конан сделал один шаг, другой, третий - идти по упругой земле было невыразимо приятно, хотелось сбросить сандалии и пройтись босиком, и он немедленно сделал это, тотчас же ощущив, как его ноги забывают об усталости. Ступни словно бы покалывали тысячи и тысячи мельчайших иголок, и это ощущение почему-то казалось киммерийцу очень приятным. Он потянулся, с хрустом разминая суставы, и вдохнул полной грудью, впивая этот воздух точно самое лучшее старое огирское вино...

- Идем, идем за мной, я покажу тебе свайолей! - Айана уже бежала вперед.

Словно в полусне, киммериец шагал за ней. Он впервые в жизни оказался в столь прекрасном месте; разве могли сравниться с ним полные мертвой роскоши дворцы земных владык, которых ему не раз приходилось освобождать от кое-каких небольших, но ценных предметов обстановки или убранства! Дикая душа Конана, выросшего среди суровых, но девственных лесов и гор, смутно ощутила нечто родное; глубоко-глубоко в памяти, где хранились воспоминания об отце, родился отклик; сперва он причинял лишь беспокойство, но мало-помалу беспокойство это стало перерастать в твердую уверенность - он не может бросить такое место на произвол судьбы... пусть это покажется глупым какому-нибудь Варду, не говоря уж о Фархизе, но... так похожую на его родные места рощу и впрямь нужно защищать.

Киммериец отлично понимал, что внешне этот небольшой лес имеет весьма мало общего с теми чащобами и отвесными горными кручами, среди которых рос Конан. Но было здесь и нечто неуловимое, чему неискушенный в высоких словах северянин не мог подобрать соответствующего определения, но что он четко ощущал своим острым чутьем варвара, ощущал - и не мог ошибиться.

Конан брел, не думая ни о чем, стараясь лишь не терять из виду мелькавшую впереди спину Айаны, когда дриада неожиданно остановилась, а в следующее мгновение киммериец ощутил направленный на него пристальный взгляд.

Глава 3.

Они стояли перед невысоким и очень странным деревом, Конан ни разу в жизни не видел ничего подобного. Прямо из земли поднимался неохватный ствол, или вернее, группа плотно прилегавших друг к другу тонких коричневатых стволов, покрытых гладкой, блестящей корой, почти неотличимой от сильно загоревшей человеческой кожи. На высоте примерно двух ростов Конана эти прямые, точно стрелы, стволы буквально взрывались пышной кроной, состоявшей, как показалось северянину, из одних лишь длинных серебристых листьев, напоминавших метательные турецкие кинжалы. Ветвей с земли заметно не было.

И откуда-то сверху, из густого, непроглядного сплетения коричневых черенков и серебристых листьев на киммерийца смотрели спокойные, пронзительные нечеловеческие глаза.

Конану не раз приходилось смотреть в лицо сильным мира сего, скрещивать свой взгляд с налитым кровью взором очередного врага, уже замахнувшегося кривой саблей - и он никогда не опускал глаз первым. Однако на сей раз он ощутил охвативший его до самых глубин естества трепет, трепет не страха, но ожидания...

Кrona диковинного дерева медленно раздвинулась и из гущи ветвей, из облака серебряной листвы прямо на киммерийца воззрилось вытянутое узкое лицо бледно-сиреневого цвета. На лице выделялись тонкогубый плотно сжатый рот, прямой длинный нос и громадные глаза под прямыми, словно росчерк пера, бровями.

Глаза Свайоля были такими же, как у дриады Айаны.

- Он смотрит на тебя, - прошептала хранительница рощи застывшему Конану, не знаяшему, то ли ему надлежит с достоинством поклониться, то ли просто пройти мимо, сделав вид, что он ничего не заметил. - Он смотрит на тебя, Смертный, после стольких тысячелетий спокойного созерцания звезд и высоких небесных сфер!

Конан невольно усмехнулся. Вот-вот, у них всегда так - тысячу лет глядеть в небо... а потом искать спасения у какого-то ничтожного смертного, на которого раньше не обращал ровным счетом никакого внимания!

Усмешка эта помогла прогнать невольно нахлынувшее оцепенение. Конан встремился и увереннее зашагал вслед за Айаной. Что ж, быть может, он и поможет им - как телохранитель, за хорошую плату. Что же тут такого? Теперь он и сам уж готов был стыдиться своей недавней слабости. Что на него нашло? Разве не нанимали его шадизарские и аренджунские купцы охранять их караваны на кишащей разбойниками дороге через Карпашские или Кезанкийские горы? И, кроме того - ведь здесь ему предстояло защищать существа, которые никак не могли постоять за себя - не могли даже убежать.

- А мне что, нельзя было поговорить с ним? - невольным шепотом спросил он Айану, когда они отошли от первого встреченного ими свайоля.

- Ты, конечно, сможешь говорить с ними со всеми - но лишь после того, как на это даст свое согласие Древо-Отец свайолей.

- Древо-Отец? Это кто еще такой?

- Это их прародитель, - просто объяснила Айана. - Все свайоли, какие только были в мире - его дети. Было время, когда их род процветал и число их росло, и посвященные

закладывали новые рощи в дальних уголках мира... до тех пор, пока не пришел Сет и небо не заволоклось Тьмой. А теперь эта роща последняя. Враг оставил ее на лакомство, дабы насладиться мучениями Отца-Древа - ведь Отец видит и слышит глазами и ушами каждого из своих детей, и потому он множество раз погибал, корчась в муках, когда в захваченных Врагом рощах расставался с жизнью очередной свайоль. Теперь может настать и его черед - если ты не придумаешь, как нам отразить нападение.

Конан угрюмо усмехнулся - он не любил красивых слов.

Неприметной тропкой Айана вела киммерийца в самую глубь рощи. Несколько раз им пришлось перебираться через ручьи, по дороге встретился и один небольшой проточный пруд... И чем дальше шли они, тем больше им попадалось Свайолей. Наконец исчезла вся прочая растительность - остались лишь эти удивительные существа, облаченные в серебристые плащи своей длинной листвы. И каждый раз, когда Конан и Айана проходили мимо, из облачных крон появлялись странные, нечеловечески вытянутые бледно-силеневые лица, провожавшие киммерийца долгими внимательными взорами. Северянин не боялся ни духов, ни зверей, ни людей, но от этих взглядов ему почему-то становилось не по себе.

- Так все-таки, с кем мне придется драться? - вновь обратился Конан к дриаде. Он уже забыл, что лишь несколько минут назад кипел от гнева, считая себя обманутым, и намеревался отсидеться где-нибудь в стороне, ни во что не вмешиваясь.

- Теперь-то ты, надеюсь, можешь сказать мне это? И потом - почему я один? Даже если я и лучший боец во всей Заморе, нужно было набрать самое меньшее еще сотни четыре-пять. Почему было не открыться мне сразу? Я нашел бы верных людей...

- Уложениями Высоких Богов, - торжественно и печально произнесла Айана, - Богов, перед силой которых трепещут и Митра, и Сет, для защиты моей родины я могу выставить только одного бойца.

- Что за глупости? - вытаращил глаза киммериец.

- Это не глупости, к великому моему сожалению. Ибо Высокие Боги, обитающие где-то там, в звездных пределах, разгневались на свайолей, вызнавших многие тайны и секреты Небожителей. И потому приговор их был таков - свайоли в конечном итоге обращали добытое ими знание на благо Смертным - так пусть же Смертные и защищают их. И, если деяния свайолей пошли на благо людскому роду - то и один боец этой расы сможет уберечь их от возможных напастей...

- Довольно-таки подлое дело, - перебил дриаду Конан.

- Не гневи Бога! - Айана испуганно зажала ему рот ладошкой. - Если чаша их ярости будет опрокинута на нас... то спасения ты не найдешь даже у Крома. Одним словом, решение Богов было изречено - и мне не оставалось ничего иного, кроме как повиноваться ему... Год назад моя сестра Аарта пыталась спасти свою рощу...

Конан насторожился.

- И она наняла воина, смертного воина, из твоего города... кажется, его звали Гатадес... или Гарадес... однако они не устояли. Предпоследняя Роща Свайолей была стерта с лица земли кровожадными слугами Сета, да падет проклятье Небес на этого отвратительного змея! И вот, ровно год спустя, настала моя очередь.

- А что стало с этим человеком, которого наняла твоя сестра? - глухо спросил Конан.

- Он был пленен... и подвергнут ужасным пыткам для вознесения Сета, потом душа смелого воина была вырвана из еще живого тела и обращена в кошмарного демона... Исторгавшиеся из его уст крики до сих пор звучат в моих ушах... - Айана остановилась и

закрыла лицо ладонями, борясь с подступающими слезами.

- Что ж, он умер, как должно воину, - после некоторого молчания произнес Конан. - Ради того, чтобы тебя оплакала столь прекрасная женщина, может, и не жаль будет расстаться с жизнью!

- Что ты говоришь... - ужаснулась Айана.

- Не разражаться же мне рыданиями, - огрызнулся киммериец. - Поневоле приходится отыскивать приятное даже в таком случае...

Они умолкли, погруженные каждый в свои мысли. Нельзя сказать, что настроение киммерийца хотя бы отдаленно напоминало то, с каким он принимал полную пригоршню золота в таверне Абулетеса...

- Ну хорошо, - нарушил наконец тишину Конан. - Но ты, женщина, во-первых, слишком много думаешь о неизбежности конца, а во-вторых, сама же его и приближаешь - своим молчанием. Если ты хочешь, чтобы я и вправду вступил в бой за тебя - хотя, видит Кром, ума не приложу, какая мне от этого будет выгода! - ты должна рассказать мне все, что тебе известно о слугах Сета. Я уже в третий раз повторяю тебе одно и то же, и, клянусь пламенем Митры, мое терпение вот-вот иссякнет! Давай, начинай, я слушаю - выкладывай все, даже самые мелкие детали. Кто они такие, сколько их, во плоти ли они или призраки, чем и как они сражаются - все, все что помнишь!

- Конан, я расскажу тебе все, что знаю... но чуть позже. - Айана вдруг понизила голос. - Мы пришли. Перед тобой - Древо-Отец свайолей...

Они стояли на краю небольшой прогалины. Ее покрывала густая и мягкая трава с пушистыми метелками сверху; вид этих метелок так и манил прилечь казалось, ложе из них будет мягче любой перины. А в самой середине круглой поляны, окруженной со всех сторон густыми рядами свайолей, стоял еще один раза в два выше и толще остальных, из-под основания его могучего ствола брал начало небольшой ручеек. Конану в первый момент показалось, что это Древо-Отец ничем, кроме размера, не отличается от прочих встреченных им в этой роще - однако он думал так лишь до тех пор, пока не раздвинулись серебряные листья и на Конана не взглянуло лицо этого свайоля. Киммериец не мог похвастаться утонченностью чувств и остро развитым состраданием. Он терпеть не мог нищих и прочую побирающуюся братию, которой полны были улицы гиборийских городов. Но на сей раз...

Лицо Древо-Отца было и впрямь лицом древнего, очень много пожившего и повидавшего старика. Громадные незамутненные глаза смотрели прямо в самую душу Конана; и киммериец вновь, как и в первые мгновения после того, как он очутился в роще, остро ощутил глубокое, исконное родство между этим местом и тем, что он привык считать своим домом, со всем лучшим в Киммерии, Стране Глубокой Ночи, как ее называли древние авторы.

Глаза отца свайолей были полны непреходящей боли. Эту боль Конан не смог бы ни выразить в словах, ни даже хотя бы представить ее себе. Никакой человек не вынес бы подобного. Тысячи раз Отец умирал. Тысячи раз он воскресал - лишь для того, чтобы умереть снова со следующим своим сыном, погибшим от руки ужасных порождений безжалостного Сета. И Конан вдруг почувствовал, что у него перехватило горло.

Пытаясь скрыть волнение, киммериец почтительно поклонился, искренне выказывая уважение к мудрой старости. Спустя мгновение он расправился - и услыхал спокойный и печальный, чуть глуховатый голос, исходивший из середины ствола свайоля, хотя никакого рта там не было.

- Привет тебе, сын человеческий, Конан из Киммерии, я, Праородитель свайолей, прошу у тебя прощения за невольный обман, к которому прибегла наша Хранительница, чтобы только заполучить тебя сюда. Ты - наша последняя надежда. Посвященные, Братство Зеленого Храма - увы, слабо, его адепты привыкли держать в руках стило, а не меч. Если ты потерпишь неудачу - всех нас будет ждать ужасный конец, но, поистине, даже он лучше, чем видеть то, что сделают со светлым и радостным миром эти исчадия Тьмы!

- Я буду сражаться за вас, - внезапно вырвалось у Конана, вырвалось столь неожиданно, что он сам в первый момент удивился своим словам; однако затем вдруг настало удивительное, глубокое успокоение, и он понял, что сделал то, что должно. "Кром, вразуми меня!"

Вокруг могучей шеи киммерийца внезапно обвились мягкие, пахнущие дурманящей лесной травой руки Айаны, теплые и ласковые губы прижались к его губам... и Конан внезапно отстранился. Совершенно невозможно заниматься этим в подобном месте, где за тобой подглядывает каждое дерево...

Айана, похоже, поняла.

- Все, нам пора идти, - она потянула Конана за рукав куртки. - Им очень трудно говорить с людьми понятными им словами. Я постараюсь рассказать тебе все, что знаю, а потом Отец, наверное, захочет, чтобы ты увидел, как погибали остальные рощи...

- Ну тогда ладно, а то я уж подумал, что он потратил свои силы на никчемные слова, вместо того, чтобы толком рассказать мне о слугах Сета!

Айана повела киммерийца дальше, туда, где стоял ее дом. Точнее, домом это назвать было нельзя - хотя в нем имелись и стены, и крыша, и дверь, и окна, а внутри - ложе, стол, кресло и тому подобная утварь. Однако в отличие от людских построек, в доме Айаны все было живое.

Стенами служили плотно сросшиеся побеги бамбука-тысячелетника. Крышей широкие пальмовые листья, прилегавшие друг к другу без единой щели. Дверной проем закрывала подвижная сетка из густо переплетенных лиан. Ложем служил толстый пласт мягкого ароматного мха; однако больше всего удивили Конана чашки, ложки и прочая утварь - в их качестве Айана использовала живые венчики цветов.

И лишь очаг был сложен из мертвых черных валунов.

- Его я почти никогда не зажигаю, - пояснила Айана, подавая гостю угощение. - Он был зажжен для тебя, Конан.

Еда Айаны оказалась хоть и странной, но превосходной. Несмотря на полное отсутствие мяса, Конан ощущал такую сытость, как после добной бараньей ноги, а цветочный нектар веселил ничуть не хуже старого аквилонского вина...

- Ну, попировали - и хватит, - киммериец осторожно отставил в сторону пустой бокал из громадного цветка, чем-то напоминавшего колокольчик. - Я слушаю тебя. И, кстати, как ты думаешь, сколько у нас еще осталось времени?

- Этого не знает никто, - ответила Айана. - Я знаю лишь, что только тридцать три дня в год силы велики настолько, что он может преодолеть барьеры магии, окружающие наш мир, и отправить сюда самых страшных и злобных своих слуг. Эти тридцать три дня определяются по расположению звезд; они начинаются через двое суток. Теперь о самих чудовищах. Их шестеро, Конан. Шесть - сакральное число Тьмы, так же, как Семь - число Света. Двое из них крылаты, двое ходят на ногах и двое ползают. Ты увидишь их сам в видении Отца-Древа, поэтому скажу лишь, что все шестеро покрыты толстой роговой

броней, вооружены когтями, клыками, клешнями и еще те, что ползают, умеют плеваться ядом... Ростом каждое из них примерно со среднего свайоля. Руки их почти так же ловки, как и человеческие. Глаза видят и днем и ночью. И еще они наделены великой силой, куда как превосходящей силу сотен и сотен слонов. Они ломают деревья, словно тростинки, а их клыки тотчас разгрызают все, что бы ни попало им в пасть, даже камни. Но этого мало. В каждом из них обитает злобный и жуткий демон, и силы черных Преисподних повинуются их приказам. Я видела эти силы - тучи черных тварей величиной с орла, чьи когти раздирают в клочья тела врагов; полчища громадных крыс ростом, не меньше волка и прочих, поменьше и уже не столь смертоносных. Однако, сокрушая Роши Свайолей, шестеро демонов еще ни разу не прибегали к помощи Темных Миров. Теперь о том, как они сражаются. Они окружают рощу со всех сторон и принимаются вырывать из земли свайолей одного за другим. Вот, собственно, и все, что я знаю, потому что еще ни разу им никто не оказал настоящего сопротивления. Смертный воин, нанятый моей сестрой... он бросился навстречу ползающему зверю по имени Хатар и даже смог ранить его несколько раз копьем и мечом... Но, увы, Хатар - это как раз тот, что плюется ядом... Воин не смог уклониться, отрава парализовала его, и потом... Ох, что они с ним сделали!..

Дриада тяжело вздохнула и замолчала. Конан тоже сидел, глубоко задумавшись, и, похоже, только теперь начинал понимать, в какое безнадежное предприятие он оказался втянут, причем втянут, как ни крути, обманом!

- И все же погоди хоронить себя раньше времени, - проворчал он, видя, что Айана вновь вознамерилась плакать. - Может, мне и удастся додуматься до того, что так и не сумел измыслить Гатадес...

Он говорил это, и в то же самое время с горькой уверенностью понимая, что вся его речь - не более, чем пустые слова. Что он сможет сделать один против целой своры демонов, каждый из которых неимоверно сильнее его?

- А все-таки я не сдамся! - обращаясь неизвестно к кому, вдруг выпалил киммериец и вновь умолк, погружаясь в размышления.

- Если тебе удастся отстоять рощу... - тихонько сказала Айана, - даже если тебе удастся спасти хотя бы только Древо-Отца... то все богатства Зеленого Храма станут твоими... а, кроме того - если ты захочешь, конечно, кроме всего прочего... - она провела плотно прижатыми к телу ладонями по груди и бедрам; при этом ее щеки залил густой румянец.

- Там видно будет, - буркнул Конан; он чувствовал себя, словно мальчишка, застигнутый подглядывающим за чужими любовными утехами. - Ладно, Айана! - Он впервые назвал дриаду по имени. - Есть ли в твоей роще такие деревья, которые можно было бы срубить?

- В моей нет, но по соседству - там сколько угодно поваленных недавним ураганом, - тотчас ответила она.

- Покажешь, где это, - распорядился Конан. - И скажи, есть ли тут еще кто-нибудь, кроме нас - помочь таскать бревна?

Айана отрицательно покачала головой. Киммериец пожал плечами и хмыкнул.

- Ну, значит, придется нам вдвоем стараться. Рук жалеть не советую!

- Что ты задумал?

- Демоны хитры, но, говорят, умные люди и на них находили управу - и даже без всяких заклинаний! Так что мы еще посмотрим, кто кого, - Конан поднялся. - А что я задумал - сейчас увидишь, хозяйка!

Через некоторое время они вновь оказались на краю заповедной рощи. Уже наступила

ночь, однако Айана сняла с пояса тонкую деревянную флейту, поднесла к губам и сыграла какой-то несложный и нежный мотивчик, вернее, лишь несколько тактов музыкальной фразы - и в ладонях дриады засветился яркий серебристый огонек. Он освещал все на расстоянии трех десятков шагов; и Айана повела Конана к темневшим неподалеку завалам старых упавших деревьев.

- То что надо, - резюмировал Конан, закончив осмотр. - Я боялся, что здесь и этого не сыщется.

Деревья и впрямь были подходящими. Кора слезла и отвалилась пластами, обнажив крепкую, точно сталь, древесину. Стволы в изобилии были утыканы толстыми и прямыми сучьями; мелких веток и листвы не осталось совсем.

- Просто превосходно, вот только как нам дотащить их? - кряхтя, киммериец начал подлезать под один из стволов, толщиной не менее обхвата. Ого! Они внутри каменные, что ли?!

- Да, это так и называется - каменное дерево, - бесхитростно пояснила Айана. - Оно растет повсюду, но лишь здесь достигает своего истинного веса и истинной прочности! - В ее голосе сквозила невольная гордость.

- Слушай, мне одному их не перетаскать, - напрямик заявил Конан, бросив бесполезные попытки. Даже всей исполинской силы киммерийца не хватило на то, чтобы лишь оторвать комъ бревна от земли. - Или мы что-нибудь придумаем... Или ищи себе иного защитника.

- А что нужно сделать? - с детским удивлением в глазах осведомилась дриада. - Куда надо доставить это?

- Куда-куда! - со злостью передразнил ее северянин. - На край твоей разлюбезной рощи, конечно же!

- Можно попросить его, и оно пойдет само, - кратко вымолвила дриада. Дерево никогда не бывает мертвым по-настоящему - пока его не уничтожит огонь, конечно же.

На свет вновь появилась уже знакомая Конану деревянная флейта. Но теперь дриада сыграла довольно длинный и весьма сложный переливчатый фрагмент, с трудом переводя дыхание после каждой фразы, точно от тяжких усилий.

Киммерийцу уже случалось видеть чудеса черной магии в замке Аманара и кое-где еще и потому он не слишком удивился, когда на его глазах сухое сучковатое бревно внезапно приподнялось в воздух и, смешно елозя, поползло по земле...

Они не сомкнули глаз всю ночь. К утру роща была окружена настоящим валом сучковатого бурелома, однако Конан прекрасно понимал, что демонов это не остановит.

- А может, тут и ямы будут сами собой копаться? - осторожно поинтересовался он у Айаны и очень огорчился, услыхав, что над землей дриада не властна.

- Сперва я подумал о волчьих ямах, - признался вконец выбившейся из сил дриаде Конан. - Но это было бы слишком просто... демоны легко избегут этой ловушки. Послушай... а с камнями ты... это... не можешь договориться? Я уже готов во все поверить...

- С камнями? - Айана устало подняла голову. - Конечно. Только они ленивы и медлительны...

- Придется тебе их подогнать, - заявил Конан. "Да не рехнулся ли я? мелькнуло у него в голове после этих слов. - Ходячие бревна, ползающие камни... Куда я вообще попал?"

- Я не смогу... пока не отдохну хотя бы до полудня, - умоляющее взглянула на киммерийца дриада.

- Ты или сможешь или твоя роща обратится в ничто, - жестко ответил киммериец,

рывком ставя Айану на ноги.

Громадные валуны с берега недальней речки катились медленно и с натугой; Конан готов бы поклясться, что он слышит их недовольное ворчание и жалобы на то, что их разбудили, что им не дают спать и заставляют теперь тащиться невесть куда...

Но вот лианы Конану пришлось добывать самому. Дриада наотрез отказалась помогать ему с этими растениями из ее собственной рощи, равно как и помочь киммерийцу собрать нужное в соседнем лесу. Никакие угрозы не подействовали.

К исходу первых своих суток в Роще Свайолей Конан собрал все необходимое, однако чувствовал, что валится с ног, несмотря на всю целительную силу напитков, которыми его в изобилии потчевала Айана. Они помогали, но ненадолго.

И все же Конан заставил себя продолжать работу, стиснув зубы и усилием воли отгоняя сон. Теперь он вязал огромные петли из гибких лиан, вязал до тех пор, пока руки не начали покрываться пузырями...

Утро второго дня, последнего дня, когда они еще могли не бояться нападения, выдалось на удивление безмятежным. Киммериец проспал как убитый до рассвета, а пробудившись, с удивлением почувствовал, что вся его вчерашняя усталость исчезла как рукой снятая; и, когда он шел через Рощу Свайолей, то думал о ней как о своем собственном доме, который нужно защищать любой ценой. В эти минуты он не вспоминал о золоте.

Глава 4.

Теперь Конану и Айане предстояло самое трудное. Предстояло закрепить по местам сработанные киммерийцем снасти, а для этого дриаде пришлось пустить в ход все свое умение повелевать деревом и камнем. Они работали как проклятые, не покладая рук, забыв о еде и отдыхе; и, когда к вечеру даже могучий киммериец начал пошатываться, совсем выбившись из сил, к нему неожиданно обратился Древо-Отец.

Дриада к тому моменту уже спала крепким сном, растянувшись прямо на голой земле. Внезапно она как-то странно, конвульсивно дернулась, ее рот приоткрылся и она заговорила, обращаясь к Конану, однако столь странным, нечеловеческим голосом, что киммериец сперва решил, что его нанимательница лишилась рассудка...

- Нет, она совершенно здорова, только очень, очень устала, - прозвучал странный голос. - Это я говорю с тобой, я, кого ты знаешь под именем Древо-Отец. Я должен показать тебе слуг Сета. Закрой глаза и освободи свой рассудок!

Киммериец повиновался.

Сперва перед его внутренним взором клубились лишь бесформенные темные облака. Затем мрак неожиданно разделился - теперь Конан видел шесть черных комков, шесть черных пятен на тускло-сером фоне, однако не прошло и мгновения, как эти шесть островков тьмы стали стремительно меняться. Словно чьи-то невидимые руки, руки талантливого, но злого сердцем скульптора начали придавать форму этим податливым кускам первичного материала, из которого когда-то творилось все сущее.

Комья обрели четкость контуров. Теперь уже можно было видеть головы, чудовищные лапы и клешни, рога, ноги, крылья...

Потом видение внезапно померкло и Конан вновь услышал голос старейшего из свайолей:

- Не в моих силах явить тебе, о Человек, как в темных кузницах Мрака тела эти становились вместилищами злобных духов, как они становились демонами. Смотри, что было дальше!

Конан вновь видел перед собой бескрайнее серое поле. Потом на нем появились шесть черных точек; они постепенно увеличивались, приближаясь к нему. Теперь он смог рассмотреть творения Сета во всей их злой красе.

Самым первым шествовал здоровенный ящер с огненно-рыжей чешуей. Могучее тело поддерживалось двумя колонноподобными ногами; по тому, как они были выгнуты - наподобие задних ног кузнеца - Конан понял, что эта тварь еще и способна скакать не хуже зайца. Туловище чудовища было снабжено двумя парами мощных трехпалых лап, каждый из пальцев заканчивался длинным когтем никак не короче того меча, что висел на боку у киммерийца. Вдоль всей спины тянулся высокий костяной гребень; вытянутый хвост, которым существо явно могло пользоваться, как хлыстом, оканчивался тяжелым костяным же трезубцем.

Рядом с ящером семенило страшилище, которое киммериец сперва принял за громадную сороконожку. Самым замечательным в ней, несомненно, была ее голова - длинный, вытянутый узкий серп с зазубренным неровным лезвием; голова эта торчала на длинной мускулистой шее и, скорее всего, тварь могла орудовать, точно боевым топором,

этой частью тела, которая у обычных существ в основном предназначена для того, чтобы мыслить. Кроме того, вдоль всего длинного тела тянулись ряды клешней устрашающего вида. Конану пришлось бы сделать не менее двух десятков своих широких шагов, чтобы пройти от головы твари до ее хвоста.

Следом шли крылатые создания. Они показались киммерийцу не столь устрашающими - всего лишь громадные костиистые птицы с кожистыми крыльями; удивление, правда, вызывало их брюхо, покрытое желтоватыми складками кожи вместо положенной в таком месте как можно более прочной роговой брони. Обе летающих твари были наделены длинными пастьями, усаженными тремя рядами острых и длинных зубов; смыкаясь, челюсти заходили одна за другую, и киммериец легко мог представить себе, как подобное существо с легкостью перекусывает человека пополам...

Замыкали процессию двое ползунов. И если в ходячих или летающих созданиях еще чувствовалась некая свирепая грация, ощущалась стремительная мощь, пусть и злая, то эти извижающиеся твари были настолько отвратительны, что Конан с трудом подавил приступ тошноты - хотя, казалось бы, он уже привык ко всему. Покрытые толстыми слоями слизи, ползуны тащили свои грузные тела мощно и упруго, что говорило о силе скрытых под их волосатой шкурой громадных мускулов. Огромные фасеточные глаза, похожие на глаза стрекозы, могли видеть все, что происходило не только прямо перед ними, но и по сторонам. Их оружием, кроме напоминающих отверстия пещер пастей, служили также несколько десятков толстых щупалец - сейчас те были свернуты и прижаты к спине.

Ползунов нельзя было назвать обычными змеями. Они скорее напоминали толстенных гусениц-переростков, только еще более коротких, чем были бы настоящие гусеницы, случись им вырасти до подобных размеров. У одного из ползунов, на боках которого чередовались черно-желтые полосы, словно у осы, Конан заметил в пасти какой-то странный трубчатый язык длиной не меньше руки взрослого человека. Это был, не иначе как сам Хатар, тварь, плюющаяся ядом, который взял верх над Гатадесом, лихим Шадизарским рубакой... Неожиданно для самого себя Конан подумал о том, что ему непременно надо отомстить за этого храбреца, хотя в прошлом они, несомненно, были бы врагами - гвардия Тиридата воров не жаловала.

Когда чудовища подошли совсем близко, Конан смог разглядеть тяжелые ошейники из черного металла, надетые на каждом из них - и их жуткие глаза. Это не были глаза обычных, земных чудовищ вроде крокодилов, морских змееv или даже драконов. Эти глаза принадлежали мыслящим существам, творящим Зло не по неведению, как кровожадные хищники человеческого Мира, но сознательно, с полным напряжением черной воли, стремящимся упиться кровью и насладиться мучениями жертв. В их глазницах полыхал мрачный холодный огонь, огонь бескрайних и беззвездных пустошей, откуда вышел великий Сет и куда его никак не удавалось загнать всему сонму светлых Богов и Небожителей.

Видение вновь изменилось, теперь Конан видел себя стоящим на самом краю какого-то леса, а прямо перед ним раскинулась небольшая роща деревьев с серебристой длинной листвой, которую киммериец теперь уже не спутал бы ни с какой другой - листвой Рощи Свайолей.

Внешне все вокруг было очень спокойно и тихо - однако слишком уж глубокой и мертвой была эта тишина. Солнце скрывали угрюмые серые тучи; все живое попряталось, словно перед грозой. Край Рощи Свайолей был безжизнен и тих.

А потом под ногами Конана внезапно вздрогнула земля. Откуда-то издалека налетел

пронизывающий холодный ветер, завыл, засвистел, словно глумясь над беззащитными деревьями и радуясь их гибели. И тогда из-за ближайшего холма появилась зловещая шестерка.

Невольно Конан потянулся к мечу, хотя и понимал, что это всего лишь видение и он уже не сможет ничего изменить. Двою крылатых демонов тотчас же взмыли вверх, закружившись над обреченной рощей. Ящер, многоножка и ползуны тоже направились прямиком к ней. Они шли медленно, неторопливо, в гордой и наглой уверенности, что никто и ничто не сможет помешать их отвратительному пиршеству... Конан ощутил, что его рука до боли стискивает рукоять бесполезного сейчас меча.

Демоны, облаченные в плоть, неспешно подошли к самому краю рощи. Их крылатые собратья парили в воздухе над ней, время от времени издавая гнусаво-тоскливы вопли, однако кто знает - быть может, это были их клики ликования?

Подручные Сета стояли, словно дожидались какого-то знака. Вокруг ничто не шевелилось, и любая, даже самая неприметная былинка в ужасе старалась припасть к земле... А потом был дан Знак.

В самой середине неба, посреди серого облачного одеяла внезапно возникла воронка черного вихря. Длинный смерч, словно ищащая добычу гадюка, опускался все ниже и ниже, постепенно и впрямь обретая форму громадного призрачного змея. Конану доводилось слышать, что вызыванием Сета занимаются ужасные и злобные чернокнижники в проклятых светлыми богами гробницах Стигии, хотя пока еще Мировому змею вход в мир людей закрыт; однако северянин слушал эти рассказы вполуха - тогда они казались ему совершенно бесполезными - о чем теперь оставалось лишь горько жалеть.

Знак был дан, и твари Тьмы все разом бросились вперед. С небес двумя черными молниями низринулись вниз крылатые чудовища; четверо их собратьев последовали за ними. И тут видение вновь изменилось.

Теперь Конан стоял как бы на краю Леса Свайолей. Но этого мало - он сам стал одним из них и видел, как на его соседа, с которым - он знал - они часто переговаривались, обмениваясь новостями об увиденном в подзвездных пределах - обрушился с небес чернокрылый демон.

Громадные когти впились прямо в большие глаза свайоля; костяные крючья на изломах крыльев терзали плоть наделенного сознанием дерева, в разные стороны летели мелкие и крупные щепки - и обильно текла алая жидкость, так похожая на теплую человеческую кровь...

Обжигающая вспышка боли едва не лишила Конана сознания. Однако он был бы даже благодарен этому, ибо боль и забвение были лучше для бессильного свайоля, окровавленную плоть которого, спеша насытиться, торопливо заглатывали демоны.

А затем наступила очередь и того свайоля, в которого на время обратило Конана чародейство Отца-Древа. Раздираемый на куски крылатым демоном свайоль внезапно дрогнул и с громким треском повалился набок; над поверженным появилась отвратительная морда рыжего ящера.

Удар! Тело Конана сотряслось; рука искала меча, однако он с удивлением почувствовал, что не может пошевелиться. Громадная когтистая лапа деловито прошлась по его боку сверху донизу, обламывая ветви и сбивая наземь тоскливо поникшие серебристые листья. Горевшие злой глаза уставились прямо в лицо погибающего свайоля; однако к своему удивлению Конан острым инстинктом варвара понял, что злоба эта направлена не против свайоля, а

вообще на весь мир, потому что чудовище жестоко терзается от неутолимого голода...

Затем видение вновь изменилось. Иная местность, иная роща; однако точно так же к ней неспешной походкой шли четверо подручных Сета, а в небе над обреченным лесом сновали два крылатых демона. Ящер и Хатар на этот раз оказались несколько впереди остальных; летучие твари несколько задержались уже после того, как Знак был подан - и тут из рощи навстречу чудовищам выбежала невысокая человеческая фигурка, показавшаяся совсем крошечной рядом с громадными телами страшилищ. Человек был одет в сверкающие доспехи, на высоком шлеме развевался цветастый плюмаж воина дворцовой гвардии короля Тиридата.

"Гатадес!" - понял Конан.

Он уже знал - из рассказа Айаны - что должно произойти дальше, однако оказалось, что это не совсем так. Северянин увидел стремительный размах блистающего лезвия - и меч защитника рощи прочертил длинный кровавый полукруг на теле рыжего ящера.

"А как же его броня?!" - мелькнуло в голове киммерийца.

Очевидно, твари Сета впервые встретились с попыткой сопротивления. Ящер и Хатар застыли, с тупым удивлением глядя на невесть откуда взявшегося смельчака. Прежде, чем они опомнились, воин Тиридата с удивившей даже Конана ловкостью проскользнул между громадными лапами ящера и что есть сил вонзил свой клинок снизу вверх в брюхо чудовища.

Раздался громоподобный рев. Меч Гатадеса пробил роговую броню, о неуязвимости которой Айана прямо-таки прожужжала киммерийцу все уши, и из раны на пыльную и жухлую траву хлынула темная дымящаяся кровь.

Ящер дернулся и как-то неловко, припадая на один бок, отскочил в сторону, развернувшись, он вновь попытался сграбастать смельчака всеми четырьмя своими когтистыми лапами, однако Гатадес вновь ловко уклонился.

Раненый ящер утратил последние остатки своей прыти. Он уже сидел в луже собственной крови; чудовищные ноги подгибались, лапы впустую молотили по воздуху; из глотки чудовища рвался хриплый не то рев, не то стон.

"Да что же ты его не добьешь!" - не выдержал Конан, ему казалось, что заморец непростительно медлит, а в настоящем бою такое не прощается...

Так и случилось. Хатар, несмотря на всю тупость, все же разобрался, что к чему, однако не стал пытаться нападать на человека, даже повернувшегося к нему спиной. Пасть ползуна широко раскрылась, между рядов темно-коричневых зубов мелькнул подозрительно длинный трубчатый язык - и из него вылетела тонкая струя темной жидкости. Плевок чудовища попал Гатадесу в плечо; человек внезапно выронил меч и словно в удивлении уставился на свою бессильно повисшую руку. Через несколько мгновений онемение сковало и все его тело...

Дальнейшего Конан уже не видел, видение прервалось окончательно,

Киммериец открыл глаза. Он лежал на спине, раскинув руки, и глазные яблоки жгло, точно он долго-долго держал глаза сухими. Был уже глубокий, недобрый вечер, приближалось время, когда силы Зла выходили из тайных укрытий и когда где-то в своем мрачном логове пробудились ото сна и шестеро страшных слуг Сета.

Конан рывком поднялся. Он помнил свой странный сон в мельчайших деталях; и самое главное, что он понял - или панцирь чудовищ далеко не так крепок, как описала ему дриада, или Гатадес обладал каким-то зачарованным мечом, легко пронзившим любую броню.

Айана крепко спала тут же, неподалеку, зябко подобрав под себя ноги и свернувшись калачиком; колени ее были прижаты к груди. Во сне ее лицо стало совсем безмятежным,

точно у невинного ребенка; однако киммериец бесцеремонно принял ее расталкивать.

Добудиться смертельно уставшей хозяйки рощи оказалось нелегко.

- Ну что, что тебе? - простонала Айана, наконец открыв глаза. - У меня все тело болит... Что, уже вставать?

- Расскажи мне о мече этого Гатадеса, которого наняла твоя сестра, потребовал северянин.

- Да я ж не разбираюсь в этом, - с искренним недоумением ответила Айана. - Он говорил, будто клинок и впрямь какой-то особенный... Хвастал, наверное.

- Он не хвастал, - мрачно сообщил Конан. - Он вогнал свое железо в брюхо этой ходячей ящерице-переростку словно в перину! Мне помнится, ты что-то толковала о броне?

- Да... Они облачены в крепчайшую броню... - начала было вновь дриада.

- Это я уже слышал! - зарычал Конан. - Ответь мне, кто может знать, что случилось дальше с мечом этого Гатадеса?

- Что могло с ним случиться... наверное, лежит там же, где выпал из руки этого смелого воина... Возле погибшей Роши Свайолей...

- Нам придется отправиться туда и оказаться там до восхода Солнца, деловито сказал Конан. - Если мы сумеем это сделать - считай, полдела сделано. У Гатадеса был куда как непростой клинок!

- Я слыхала, что на месте погибших Рош Свайолей жрецы Сета возводили свои храмовища...

Конан застонал сквозь зубы.

- И все-таки, мы можем отправиться туда? - продолжал настаивать он. Тем же способом, что оказались здесь?

- Можем... - несколько неуверенно ответила не понимающая что к чему Айана. - Ты хочешь искать его меч там? Но ведь его уже давно подобрали послушники в святилище Великого Змея...

- Этот шанс упускать нельзя, сколь бы малым он ни казался, непреклонно ответил Конан. - Вставай, нужно отправляться немедленно...

Голос киммерийца звучал сухо и властно. Айана медленно поднялась, привычно оправляя хитон; она еще колебалась, но воля Конана уже брала верх.

- Хорошо, - кивнула дриада. - Дай мне руку и зажмурь глаза,

Конан сделал, как было сказано; спустя мгновение он вновь услыхал тонкое пение зачарованной деревянной флейты. На короткое время его охватил леденящий холод, как будто он со всего размаха окунулся в только что вскрывшуюся весеннюю реку; однако это длилось очень недолго, и не успел он опомниться, как услышал вновь голос Айаны.

- Мы на месте...

Киммериец открыл глаза. Ночь здесь казалась куда более черной и непроглядной, чем в покинутой ими роще. Казалось, в воздухе стоит запах тления; под ногами сухо шуршала мертвая трава. Прямо перед путниками лежало то место, где когда-то стояла Роша Свайолей; теперь же, как и предупреждала Айана, вместо нее высилась темная громада мощного и недоброго храма. В ночном сумраке даже остроглазый киммериец не мог различить никаких деталей этого строения - кроме лишь выделявшегося серого пятна в том месте, где должен был находиться вход.

- Нам нужно торопиться, - сквозь зубы проговорил Конан. - Я отчего-то уверен, что меч в храме, так что придется воспользоваться парадными воротами...

- Почему ты думаешь, что меч непременно нашли?

- Смотри, как здесь утоптана земля. Степь не бывает такой ровной, это место выглаживали специально. Вряд ли такая вещь, как меч, да еще такой, что может серьезно ранить демона, осталась незамеченной аколитами. Я иду попытать счастья в храме. Жди меня здесь!

И прежде, чем оштобеневшая дриада успела его удержать, Конан одним бесшумным прыжком скрылся во мраке, точно охотящийся тигр.

Ноги киммерийца мягко ступали по неестественно гладкой земле. Почва пружинила, Конану казалось, что он идет по громадному полю спекшейся золы. Это сильно облегчало путь - ему не встретилось ни рыхвин, ни ям.

Сам храм был выстроен явно наспех, около него еще пахло сырой известкой. Похоже было, что где-то в глубине здания горят светильники четко виднелся серый прямоугольник распахнутой настежь двери.

"Не боятся они тут никого, что ли? - подумал киммериец, не привыкший к подобной небрежности храмовых хозяев в подозрительном Шадизаре. - Или тут ловушка, помоги мне Кром?"

Однако времени искать другую возможность проникнуть внутрь у него не было, они с Айаной и так страшно рисковали, оставив рощу и Древо-Отца без всякой защиты. Киммериец с гораздо большей охотою вошел бы в этот храм с черного хода или вовсе пробрался бы через крышу, однако выбирать не приходилось.

"Ну и ну - впервые иду на дело через парадные врата!" - невольно усмехнулся северянин, входя внутрь.

Непроглядный мрак и впрямь сменился тут тусклым отсветом редких масляных светильников. Все указывало на то, что строители только-только покинули храм: всюду еще валялись оставленные ведра, кисти, доски, мусор и тому подобное. Стены еще оставались голыми, их не оживляли ни роспись, ни мозаика; они были просто выкрашены в черный цвет.

Без помех миновав первый зал, Конан направился к широкой двери в противоположной стене. Вспомнив все свое искусство, он неслышной тенью крался вдоль стен, замирая после каждого шага, настороженно оглядываясь и прислушиваясь.

В храме царила мертвая тишина, точно в склепе - и все же Конан явственно чувствовал, что в здании есть и еще кто-то, кроме него - и притом ни в малейшей степени не похожий на человека. Чутье опытного вора, соединенное с уже утраченным прочими, "цивилизованными" хайборийскими племенами даром угадывать присутствие потусторонних существ и сил, подсказывало ответ. В храме имелась стража, и сейчас она явно выжидала, чтобы Конан зашел подальше. Его здесь ждали, а это значило, что он был прав в своих предположениях и что зачарованный меч Гатадеса, невесть как попавший тому в руки, и впрямь находится здесь. Оставалось его только взять.

Киммериец добрался до полуосвещенного входа во внутренний покой храма. Не имело смысла пока искать оружия здесь - во внешнем, недостроенном и замусоренном зале. Во всяком случае, это место будет последним, где он станет искать.

Конан ожидал, что дверь начнет скрипеть, однако тяжелые створки бесшумно приоткрылись, поворачиваясь на тщательно смазанных петлях - лишнее доказательство тому, что храм не заброшен.

Северянин серой тенью скользнул за порог. Его собственный меч был уже наготове -

однако к полному его изумлению, существенно лучше освещенный и прибранный внутренний зал был также пуст. В центре его возвышалась небольшая, примерно в два человеческих роста, пирамида, сложенная из блестящего черного камня; на ее вершине помещалась грубая, неотесанная кроваво-алая глыба какого-то прозрачного минерала, быть может, даже драгоценного; от одной мысли, что это может оказаться рубин подобных размеров, у Конана перехватило дыхание...

Однако к чести его надо сказать, что подобная мысль лишь мелькнула где-то на самых дальних задворках его рассудка. На поверхности алой глыбы лежал меч, который с виду ничем не отличался от обычного. Лезвие его было тусклым, рукоятка - самой простой, без малейшего намека на украшения. Меч был прикован к красному камню за эфес толстой золоченой цепью.

Сомнений быть не могло: перед Конаном лежал тот самый меч, которым незадачливый Гатадес едва-едва не отразил нападение демонов Сета, но почему, если уж это оружие попало в руки к служителям Великого Змея, храм не окружен пятью кольцами стражи?..

Махнув рукой на осторожность, Конан быстро пересек зал и бегом взбежал по гладким ступеням пирамиды, и тут на клинке, словно почувствовав приближение человека, голубым огнем вспыхнула вязь таинственных рун. Их рисунок был совершенно не знаком далекому от какой бы то ни было письменности варвару, и он не мог понять, что они означают - кроме того, что меч, похоже, и впрямь наделен какими-то особыми силами.

Конан просунул лезвие своего собственного меча в крепление цепи и с усилием навалился на свой импровизированный рычаг.

Глава 5.

- Крыса в западне, крыса в западне! - грянул внезапно со всех сторон хор торжествующих злорадных голосов. - Закрывайте клетку, закрывайте!

Конан стремительно обернулся. В стенах зала широко распахнулось с десяток широких дверей, через которые внутрь вбегали многочисленные архитектуры храма Сета. В развевающихся разноцветных мантиях темных тонов, с длинными копьями и луками в руках, они тотчас окружили пирамиду: На киммерийца были нацелены наконечники примерно полутора сотен стрел, уже наложенных на натянутые тетивы.

- Положи оружие, Конан из Киммерии, вор из Шадизара, - вышел вперед худой высокорослый человек с наголо обритым черепом и глубоко посаженными тусклыми глазами. Его плащ был черным - единственным черным плащом в зале. Я не настолько глуп, чтобы, подобно Аманару, забавляться с выпущенным на свободу тигром - то есть, скажем, затевать с тобой рукопашную. Одно твое движение, и ты будешь весь утыкан стрелами, как дикобраз. Брось меч, подними руки над головой иди сюда. Помни, что ни один из моих лучников не спустит с тебя глаз, так что не пытайся устроить тут что-нибудь в твоем духе.

- Что-то ты слишком многословен, пес, - проревел в ответ Конан, и не думая выпускать меч. - Хочешь убить - убивай! А я с места не сдвинусь.

По рядам окружавших киммерийца не то воинов, не то жрецов прошел волной возмущенный гул.

- Тихо! - бритоголовый вскинул руку и все тотчас умолкли. - Что ж, тогда тебе придется на собственной шкуре убедиться в меткости моих стрелков. И как ни жалко портить такое великолепное тело, как у тебя, но... Мы, пожалуй, начнем с правой ноги.

Пока длилось все это обсуждение, мускулы северянина трещали от напряжения, безуспешно пытаясь выломать крепление цепи из каменной глыбы. Что-то подсказывало варвару, что только этот клинок еще может помочь ему вырваться отсюда; стрелков же киммериец не боялся. Он догадывался, вспомнив кое-какие из своих прежних приключений, что жрецам этого мрачного храма он может потребоваться только в одном-единственном качестве - жертвы их ненасытному Сету, поэтому они вряд ли станут стрелять так, чтобы убить его, будут пытаться ранить и потом пленить. Похоже, тут уже наслышаны о его приключениях в Кезанкийских Горах и зря на рожон лезть не станут.

Главный жрец как раз закончил свою речь насчет правой ноги Конана, предвещая ей весьма плачевную часть, когда киммериец услыхал слабый хруст и почувствовал, как тугу натянутая цепь ослабела. Лежавший на алтаре меч был свободен.

Киммериец замер, боясь, что враги раньше времени поймут, в чем дело. Его левая рука перехватила рукоять его собственного меча, правая сжала эфес принадлежавшего когда-то Гатадесу оружия. Сейчас, сейчас... Поймать мгновение, когда лучники уже начнут разжимать пальцы - и тогда резко рвануться вниз, перекатиться через плечо, вскочить, два прыжка - и он окажется подле этого типа с голым черепом, а там уж посмотрим!

- Эй, эй, он порвал цепь! - внезапно завопил кто-то, и Конан понял, что недооценил своих противников. Однако сделать он уже ничего не успел, не успел даже ни о чем подумать, потому что ступени пирамиды под его ногами внезапно разошлись, ступня Конана соскользнула со скользкой поверхности камня, и киммериец, нелепо взмахнув руками -

мечей он так и не выпустил, полетел вниз, в черную пустоту.

Он падал спиной вниз, и несколько мгновений еще видел над головой светлое пятно, однако оно быстро сужалось и почти тотчас исчезло совсем камни сошлись, закрывая вход в подземелье.

Киммериец не успел подумать о смерти, не успел даже испугаться - лгут те, кто говорят, будто бы он не испытывал страха, просто он умел бороться с ним лучше других - как тело его врезалось в песчаный склон. Это спасло ему жизнь, смягчив удар; скатившись по откосу вниз, он ощущал под ногами холодный и жесткий камень...

"Кром! Хорошенько дело! Что-то мне здесь нравится не больше, чем в подземельях замка Аманара", - подумал киммериец, поднимаясь на ноги и лишний раз благодаря своего сурогового покровителя за помощь. Очевидно, его сын доставлял старому и жестокому богу Киммерии некоторое удовольствие своими делами, что сурогий Кром все еще не оставлял его своим заступничеством.

Он встал на ноги и постарался получше избавиться от набившегося в волосы, ноздри и уши песка. Кругом царил абсолютно непроницаемый мрак - и стояла полная, мертвая тишина.

Киммериец нашупал руками мягкий край песчаного склона, сел, стараясь поскорее успокоиться и как следует все обдумать. Положение его было не из приятных. Один, без еды, воды и огня, в неведомом подземелье - и как это его успели так быстро вырыть? Северянин не слышал эха своих шагов, хотя пару раз на пробу топнул довольно громко. Отсюда следовало, что подземная полость весьма велика... и, быть может, сотворена природными силами, а вовсе не волей людей или демонов?

Просидев несколько минут неподвижно, Конан поднялся. Ему ничего не оставалось делать, как попытаться обойти пещеру по кругу, все время касаясь одной рукою стены. Варвар обладал от рождения острым чувством направления; он надеялся, что оно поможет ему не сбиться, однако для верности он на ощупь отыскал довольно крупный валун, который и подкатил к самому краю песчаного склона. Если он совершил полный круг, по крайней мере, не придется без толку тратить силы.

Вообще говоря, оставался и еще один вариант - остаться на месте и попросту ждать, пока его не найдут жрецы. Он на свободе, хорошо вооружен можно было попытать счастья; однако, хотя такой выход и более отвечал воинственной натуре киммерийца, разум подсказывал, что лучше попытаться отыскать выход самому. Недолго думая, Конан отправился в путь.

Он решил идти налево, чтобы была готова к бою правая рука с зачарованным мечом Гатадеса, - на тот случай, если он столкнется нос к носу с каким-нибудь особенно рьяным прислужником Сета.

Довольно скоро песок сменился голой отвесной скалой. Она была холода и суха, тишину пещеры ни разу не нарушило журчание поземного ручья или хотя бы редкий стук падающих с потолка капель. Воды, похоже, здесь не было, а жажда мучила киммерийца все сильнее и сильнее.

Мало-помалу он понял, что стена все круче и круче начинает уходить вправо, что совсем не понравилось киммерийцу. Если окажется, что он заперт в каменном мешке... или, быть может, тут и есть выход, на высоте больше человеческого роста... От таких мыслей становилось совсем плохо, и Конан старательно гнал их от себя прочь.

"Нет, похоже, я все же кружу, - подумал он спустя еще некоторое время. - Вроде опять

песок начинается... да, так и есть. А где же мой камень?"

Камень был на месте. Крепко ударившись о него большим пальцем правой ноги, киммериец со злостью выругался не столько от боли, сколько от осознания факта, что он, похоже, оказался в большой ловушке. Клетка для крупной и злой крысы захлопнулась.

- Скажи, а зачем ты положил камень к моему любимому откосу, незнакомец? - вдруг раздался странный щепелявый голос. - Я часто скатываюсь по нему - сверху вниз, сверху - вниз - и мог бы ушибиться!

Прижимаясь спиной к песчаному склону, Конан резко развернулся на голос, держа наготове клинки. В темноте прямо перед ним где-то на уровне его пояса горели бледно-зеленым огнем два больших, вытянутых глаза с белесыми вертикальными зрачками. Глаза, не мигая, смотрели на киммерийца.

- Ты... кто такой? - хрипло спросил он, на всякий случай прикидывая расстояние до странного гостя.

- Нет, это я тебя должен спросить - кто ты такой? - с некоторым недовольством ответило зеленоглазое существо. - Ты подкатил камень к моему откосу - верно, хотел, чтобы я сломал себе спину, скатываясь вниз - да еще и спрашиваешь, кто я такой! Ты дерзок, а дерзость нуждается в наказании...

Во тьме что-то еле слышно зашелестело - различить эти звуки мог лишь таковой острый слух, как у Конана. И это его спасло. Инстинкт заставил его пригнуться и рвануться в сторону - в тот самый миг, как над его головой что-то свистнуло и с глухим хлопком врезалось в песок. Точно хлыстом ударили.

- Я положил камень, чтобы отметить это место, - тем не менее попытался вступить он в переговоры. - Я, видишь ли, провалился сюда сверху и даже понятия не имел, что здесь может кто-то жить!

- Конечно, такая чистая, аккуратная, сухая пещера, - обиженно проворчал в ответ голос, - и здесь, видите ли, никто не может жить! Ты врун, ты прекрасно видишь, кто я, ты уклонился от моего хвоста, как опытный в играх резуни - и толкуешь мне, что пришел сюда не для того, чтобы охотиться на меня!

- Клянусь Кромом! - рявкнул киммериец. - Мне нет до тебя никакого дела, о почтенный хозяин этой пещеры. Я пришел сюда не для того, чтобы охотиться на тебя, или на кого-либо еще; я вообще попал сюда не по собственной воле. И я постарался бы отблагодарить тебя, если бы ты вывел меня отсюда!

- Вывел тебя отсюда? - искренно удивилось зеленоглазое существо. Вывел куда? Наверх? Но я там никогда не бывал! Вниз - пожалуйста, под этой пещерой лежат огромные и прекрасные лабиринты. Если хочешь, пойдем туда. Там можно славно поохотиться.

- Нет, мне туда не надо, - покачал головой Конан.

- Ну, тогда я пошел, о пришелец, - заявило существо. - У меня много дел. Наверху в свои права вступает ночь, мелкие и вкусные твари там, внизу, вылезают из своих норок... Мне надо идти. Прощай! Было приятно поговорить с тобой.

- Постой! - окликнул Конан своего странного собеседника. - А скажи мне, не бывали ли тут еще такие же, как я, люди? Из того храма, что возведен за последний год там, наверху, как раз над этими пещерами?

- Да, бывали, - после некоторого раздумья ответило существо. - Они продолбили потолок как раз в этом зале. Потом скинули вниз веревку и спустились по ней - а потом поднялись, и больше я их не видел. А откуда ты так хорошо знаешь наш язык? -

поинтересовался Конан. Несмотря на всю тяжесть его положения, любопытство взяло вверх.

- Это долгая история, - охотно сообщило существо, видимо, радуясь возможности поговорить, словно забыв, что только что говорило, будто чрезвычайно торопится. - Я ведь живу здесь очень, очень давно; когда-то верхние ярусы пещер имели сообщение с поверхностью. Тогда я часто гулял по подлунному миру. Окрестные племена почитали меня и часто приносили мне вкусную пищу. От них я научился вашей речи. А потом... Земные силы внезапно встали на дыбы, словно те странные животные, которые вы, люди, зовете "конями", и выходы оказались завалены... Но я ничего не забываю, - хвастливо добавило существо. - Вот и ваша речь... Ты ведь понимаешь меня?

"Что-то по тебе не скажешь, что ты тысячу лет просидел в заключении", подумал Конан. Он, конечно, был диким и необразованным варваром-киммерийцем, однако умел хорошо рассуждать - если бы это существо и выучило язык неведомого народа, что обитал тогда на поверхности, что-то слабо верилось, что эти племена были из числа хайборийцев, вдобавок за тысячу лет речь людей могла сильно измениться - об этом Конану говорил еще его отец. Северянин заподозрил неладное.

- Ну, я все же пойду, - вздохнуло существо. Было в этом вздохе что-то неуловимо-лицемерное; Конан напрягся, его чутье варвара предупреждало об опасности.

Однако он не подал вида.

- Что ж, прощай, - с деланным унынием ответил он. - Видно, мне суждено провести мои последние часы в одиночестве...

Киммериец не видел поднесенных вплотную к лицу собственных пальцев, однако не сомневался, что существо отлично видит каждое его движение. И потому он как можно более выразительно опустил голову, всем видом своим стараясь выразить беспросветное отчаяние - подражая в этом уличным шадизарским артистам, часто дававшим представления в заморской лице.

Его уловка удалась лишь потому, что говорившее с ним существо не было человеком - любой другой даже самый темный и недалекий рыночный стражник в Аренджуне сразу бы раскусил неумелое притворство Конана. Однако пещерный собеседник северянина принял все это за чистую монету. Голова у Сладкого Мяса была опущена, глаза смотрели вниз... мышцы расслаблены... он не сможет отдернуться так же быстро, как в первый раз...

Невозможно сказать, каким образом Конан определил тот момент, когда нужно было ничком броситься на землю. Тварь прыгнула совершенно внезапно, уже отвернувшись было от Конана...

Хлестнул гибкий, как хлыст, хвост, и тотчас над головой Конана пронеслось тяжелое тело, с размаху врезавшись в песок склона. В следующий миг киммериец, вверив судьбу свою Крому и надеясь лишь на то, что на коже у этого подземного болтуна не окажется ядовитых иголок, бросился на него сверху, пытаясь нашарить горло и приставить к нему клинок.

Тишина подземелья огласилась визгами, хриплым боевым ревом киммерийца и отчаянной бранью стиснутого железными руками варвара подземного существа. Ругался он, надо сказать, ничуть не хуже завсегдатая Пустыньки...

Гибкий хвост ударил раз, другой и третий. Конан чувствовал, как что-то обожгло ему бок; потекла кровь, однако в этот же миг его руки, наконец, нашупали мягкое горло твари. Еще через секунду изукрашенный runами меч лег поперек шеи чудовища.

Противник Конана тотчас обмяк; киммериец ощущал, как острыя сталь меча даже против воли его обладателя режет мягкие складки кожи на горле твари.

- Ты куда-то очень спешил, не правда ли? - прохрипел северянин.
- Я выведу тебя отсюда, только убери это железо, - сдавленно пропищало существо. - Я выведу тебя, только пощади!

- Так-то оно лучше, - проворчал киммериец, однако он понимал, что выбраться все равно, будет куда как непросто - попробуй-ка прошагай весь путь в обнимку с этой тварью! Поневоле вынужденный плотно прижаться к телу своего врага, Конан чувствовал многочисленные мелкие роговые чешуйки, то сходящиеся, то вновь расходящиеся в такт учащенному, лихорадочному дыханию. Существо напоминало человека - однако задние ноги его, судя по всему, были предназначены для прыжков и смахивали на ноги кузнечика. Ноги кузнечика... И тут киммерийца осенило:

- Ну, вот что, тварь Сета, - проревел он, несколько усиливая нажим на приставленный к шее создания меч. - Я всегда убивал таких, как ты, и меня не обманешь лживыми сказками. Ты намереваешься завести меня в такое место, где тебя будут поджидать твои собратья; ты надеешься на их помощь. Ну так вот, тварь, тебе следует запомнить, что ты имеешь дело с Конаном из Киммерии; неужели твои дружки из храма не уведомили тебя об этом? Бедняга, в таком случае они послали тебя просто на убой! Так, для начала я отсеку тебе хвост; если не хочешь лишиться и всего остального, советую говорить правду. Как попасть в храм из этого подземелья?

- Не убивай меня! - вновь заскулило и задергалось существо. - Да, да, я слуга Великого Сета, не знаю как стало тебе известно об этом, варвар! Но как бы ни был темен мой нынешний мир, я хочу жить. Подари мне жизнь, и я отслужу тебе; я мог бы попытаться объяснить тебе дорогу, но ты ведь все равно не поверишь мне?

- Я вижу тебя нас kvозь! - продолжал реветь киммериец. - Я теперь могу прочесть все, что сейчас творится в твоей несчастной башке. И не советую дурить! Я мигом перережу тебе глотку. Что бы ни случилось со мной потом, тебе этого уже будет все равно не увидеть. Выбирай - или медленная смерть, по-нашему обычаю Истребителей Тьмы (сей громкий титул Конан придумал с ходу, подхваченный невесть откуда взявшимся вдохновением) - или ты даешь связать себя и тихо, медленно и без глупостей выведешь меня ко входу в храм. Там я отпущу тебя, клянусь Митрой!

- Кр-р-р! - пленик судорожно задергался, как будто его прижгли раскаленным железом. - Не произноси этого имени, прошу тебя! Не усугубляй моих мучений! Нам запрещено слышать это имя, имя заклятого врага нашего Повелителя. Я согласен, я согласен на все, варвар! Только убери, молю, твой меч, он уже и так почти что перерезал мне горло!

Конан осторожно отпустил левую руку, что держала меч за острие, и полез в карман, где по старой воровской привычке всегда имелся изрядный моток крепкой веревки. Поневоле неловко он принялся набрасывать на дрожащую крупной дрожью тварь одну петлю за другой, больше всего стараясь примотать к телу длинный и упругий хвост создания, заканчивающийся чем-то похожим на жало скорпиона. Обнаружил он и иные убийственные орудия - из пасти торчали длинные и острые клыки, точно у ядовитой змеи; на руках вместо пальцев росли когти, не уступавшие по размерам хорошему кинжалу. Киммериец подумал, что тварь эта, должно быть, высасывает кровь своих жертв - такие острые и тонкие зубы не годятся для того, чтобы рвать и жевать грубую плоть.

- А это что еще такое? - удивился Конан, нашарив широкий, железный, судя по всему, ошейник, что висел чуть ниже того места, к которому был приставлен меч северянина. Ошейник скрывался в кожных складках; почему-то во время схватки руки Конана не

почувствовали его.

- Это... это... - казалось, пленника терзает целый сонм разъяренных палачей, он трясясь, словно в падучей, сильно ранясь при этом об острое лезвие меча, однако так и не смог ничего ответить.

А Конан же вновь вспомнил видение, посланное ему Отцом-Древом; и здоровенные черные ошейники на всех без исключения слугах Сета.

- Эту штуку на тебя надел твой хозяин? - спросил киммериец.

- А... А... как больно... Он, да! - последние слова были выкрикнуты в самых настоящих корчах, по клинку обильно текла густая и горячая кровь.

И тут Конан решился на поступок, который, быть может, никогда не сделал бы его отец или иной, опытный и осторожный киммерийский воин, уже имеющий боевой опыт. Ловко зажав левой рукой шею пленника в стальной зажим, северянин продел меч Гатадеса под ошейник и что есть силы налег на рукоятку, надеясь разорвать прочные звенья.

Меч Гатадеса внезапно полыхнул голубым огнем. Как ни стремительна была вспышка, при свете ее Конан разглядел и небольшую окружную пещеру, с одной стороны которой вверх уходил песчаный откос; и несколько небольших темных дыр в стенах подле самого пола, смахивавших на входы в какие-то норы; но самое главное - Конан увидел широкий и плоский уступ на высоте примерно двух его ростов, с которого вверх вело нечто вроде очень грубой каменной лестницы, заканчивавшейся небольшим люком.

Ошейник пленника тут же натянулся, врезаясь в тело - и вдруг ослаб, с тяжелым звоном упав на камни пола. И тут пленник Конана издал тонкий, душераздирающий крик, забился в судорогах такой силы, что киммериец не смог удержать его, несмотря на всю свою силу - и упал без чувств.

Северянин на ощупь связал его покрепче, оставив неспутанными только ноги, но на всякий случай накинул петлю и на них - она не мешала идти, но не позволяла бежать.

- Эй, приятель! - варвар немилосердно затряс своего пленника. - Вставай и пошли отсюда!

И тут существо ответило - однако странным голосом, ничуть не похожим на тот ехидный мерзкий голосочек, которым разговаривало за минуту до этого. Точнее, оно даже не ответило, а спросило - спросило, точно тяжелобольной, наконец вынырнувший из пучин горячечного бреда:

- Где я?.. Что со мной? О Митра, что же происходит?

- Ты сказал - Митра? - поразился киммериец, сразу же заподозрив в этом, однако, новую ловушку.

- Ну да - Митра! О покровитель и защитник наш, вразуми же меня - что творится со мной? Я умер? И за грехи мои попал в Области возмездия?

- Как тебя зовут? - по-прежнему не в состоянии опомниться от удивления, спросил Конан.

- О, незнакомец, верно, это ты связал меня... Всемогущий Митра! - вдруг вырвался жуткий вопль. - Что стало с моим телом! Митра, Митра! - И существо забилось в ужасных, несдержаных рыданиях.

- Эй, приятель, послушай, ты помнишь, что с тобой произошло?

- Да, помню, о чужеземец с двумя мечами, мои глаза хорошо видят тебя хотя это глаза и не моего старого тела - но, увидав эту отвратительную плоть, я все вспомнил. Я вспомнил, как по собственной глупости и неосторожности стал рабом ужасного Сета... Меня зовут

Аппадерс и родом я из Турана. С малых лет занимали меня тайны божественных сил...

- Погоди! - прервал его киммериец. - Детали случившегося с тобой сейчас не так важны.

- Ясно, что каким-то образом Сет завладел твоей душой, а тебя самого превратил в это мерзкое существо... Пока на тебе был надет черный ошейник, ты был полностью в его власти. Но теперь ошейника больше нет, ты свободен. И я говорю тебе, хочешь ли ты сразиться вместе со мной против слуг этого самого Сета?

- Хочу ли я?! - раздался дикий хохот, полный столь жуткой ненависти, что удивился даже Конан. - Чужеземец, даже если для этого мне придется отдать всю мою нынешнюю проклятую кровь из жил, отдать медленно, капля за каплей - и тогда я скажу тебе - я с тобой, товарищ!

- Тогда показывай дорогу. У меня очень мало времени, но для спасения нам достаточно просто выбраться из храма - а там меня ждут, и мы быстро окажемся в таком месте, где эти жрецы до нас не доберутся...

- Нам будет не выбраться отсюда без драки, - ответил новый спутник Конана. - Известный мне выход отсюда - только через храм, а там всегда полно жрецов или их прислужников.

- Значит, будем прорываться, - решил Конан, - другого выхода нет. Идем!

- За тобой - хоть в самый ад, Конан из Киммерии! - горячо воскликнул Аппадерс.

- Тогда возьми у меня меч... вот этот, если ты умеешь держать его в руках.

- Я был сотником в Дозорной тысяче императора Илдиза! - с обидой ответил собеседник Конана.

Когти кривовато, но ловко и прочно сжали рукоять

- Идем! Тут есть лестница наверх, но люк всегда заперт, а наружный засов нам не сломать. Но есть иная дорога... - с этими словами Аппадерс принял быстрое и ловко копать песок откоса. Конан, разумеется, ничего этого не видел, обо всем, что происходило вокруг, он мог догадываться только по звуку.

- Погоди, я развязжу тебя! - спохватился киммериец.

Вскоре руки Аппадерса были свободны и куча отбрасываемого им песка стала расти куда быстрее. На голове, венчавшей его странное тело, явно принадлежавшее до этого какому-то демону из темных Преисподиен, постепенно разгорелся неяркий зеленоватый огонек - как раз посреди темени, между торчащими острыми ушами. Хоть и слабый, но все же этот свет немного отогнал тьму. Киммериец смог наконец разглядеть своего негаданного сотоварища.

Нынешнее тело Аппадерса ходило на двух ногах, имело две руки и длинный хвост, который и впрямь оканчивался кривым кинжалом страшного жала, покрытого черными капельками яда. Конану оставалось лишь возблагодарить Крома за то, что во время драки это жало миновало киммерийца - рану ему нанесла одна из игл, росших на хвосте чуть выше жала. Ноги Аппадерса и впрямь смахивали на ноги кузнечика - очень высокая голень доходила почти до поясницы, потом следовал коленный сустав, вниз от которого отходило первое бедро; потом еще один сустав и второе, очень толстое, бугрящееся мышцами бедро - для дальних прыжков. Однако Аппадерс умел и быстро ходить - ловко и мелко перебирая негнувшимися голенями.

- Готово, - прозвучал приглушенный голос из ямы в откосе. - Тут дверь, сейчас я отопру ее - и пойдем.

Что-то звякнуло, потом заскрипел несмазанный засов.

- Путь открыт, - с некоторой торжественностью сообщил Аррадерс.

- Я иду, - отозвался киммериец. Излучаемый огнем на голове его спутника свет почти угас, однако лежавший на полу черный ошейник был еще виден.

Что-то подсказывало Конану, что эту вещь с ее злобным могуществом не следует оставлять здесь, что она еще может понадобиться...

Северянин осторожно набросил кусок тряпки на черную цепь, потом, стараясь не коснуться металла, несколько раз накрепко перевязал веревкой и приторочил к поясу, не решившись сунуть это за пазуху.

Аррадерс тем временем уже отворил низкую железную дверь. Перед ними открылся узкий проход; через несколько шагов началась винтовая лестница, по которой они и двинулись вверх.

Подниматься пришлось недолго. Необработанные стены тоннеля - видно было, что его вырубали в дикой скале - сменились гладко обтесанными каменными блоками. Коридор закончился в низком, но довольно просторном помещении, больше всего напоминавшем подвал.

- Мы под храмом, - сказал Аррадерс. - Над нами - внутренний зал - тот, с черной пирамидой... - он внезапно осекся и замер, прижав уродливые когтистые лапы к лицу, которое ныне лишь отдаленно напоминало человеческое. Выпавший меч звякнул, ударившись о каменную плиту.

- Что с тобой?

- Черная пирамида... - прохрипел Аррадерс. - Черная пирамида с поворачивающимися ступенями, они загоняли на нее людей, а потом срабатывал этот дьявольский механизм... и они летели вниз... ко мне... а я был постоянно голоден, а другой еды не было... и демон, сидящий в черном ошейнике, заставлял меня делать столь ужасное...

- Сейчас не время рыдать! - оборвал его Конан. - Если мы выберемся отсюда, ты еще сможешь отомстить за все. А теперь - давай вперед, или, клянусь Кромом, я оставлю тебя тут и пойду дальше один, бывший сотник Дозорной Тысячи.

Это подействовало. Все еще временами всхлипывая и пытаясь утереть слезы когтистой лапой, Аррадерс последовал за киммерийцем.

- Пока ничего сложного, - заметил северянин, увидев еще одну дверь в перегораживающей им дорогу стене.

- Да, но за той дверью - храмовый зверинец, - мрачно произнес Аррадерс. - Там собраны всякие мелкие твари из самых дальних пределов мира, от Кхитайских болот до джунглей Зембабве. Можно только гадать, зачем они местным жрецам. Пройти будет нелегко, но иной дороги у нас нет.

- Раз так - то идем, - пожал плечами Конан.

К удивлению киммерийца, дверь была не заперта. Он потянул ее на себя, и она легко отворилась. За ней оказалась тяжелая кованая решетка - а за решеткой выл, вопил, хохотал, блеял, визжал, клекотал и издавал иные, совсем уж неописуемые звуки тот самый зверинец храма.

Глава 6.

- Н-да, веселое зрелище! - проворчал киммериец, отступая на шаг и зажимая нос от нескрываемого зловония.

Их живой светильник освещал лишь самые близкие к решетке части огромного и низкого сводчатого подвала, битком набитого самыми разнообразными тварями, которые казались Конану вышедшиими из болезненныхочных кошмаров - многоногие, многоглазые, с бесчисленными скалящимися пастьами, волосатые, безволосые, с рогами, с хвостами, с когтями и прочим. Достаточно будет сказать, что киммериец ни разу в жизни не встречал подобной мерзости - если, конечно, не считать явленное ему в Роще Свайолей видение и шестерых слуг Сета. Похоже было, что у Темных Демонов имелась богатая фантазия.

- Нам - туда, - бесстрастно сказал Аррадерс; жало на кончике его хвоста уже источало черный яд в преддверии боя.

- Да ведь там же и шагу ступить некуда, - буркнул киммериец.

- Нам - туда, - настойчиво повторил Аррадерс. - Нам - туда, и я пойду первым.

- А, может, откроем решетку и подождем, пока они сами не разбегутся кто куда? - предложил Конан.

- Даже если бы тут и было, где укрыться, нас бы это не спасло, ответил спутник киммерийца. - Эти твари не носят черных ошейников. Они сотворены для охоты - за человеком и за теми, кто с ним. Как только решетка поднимется, они все разом кинутся на нас.

Конан поудобнее перехватил меч Гатадеса. Что ж, если иной дороги нет... Ему еще не приходилось охотиться на столь необычную дичь; жаль только, не удастся захватить с собой достойных трофеев!

- Не подвернись мне под жало, - тихо сказал Аррадерс, берясь за поперечный прут решетки.

Твари в зверинце замерли, жадно глядя на двух безумцев бесчисленными алчными глазами. Разинутые пасти источали слону, лапы скребли пол в нетерпении. Две блестящих полосы металла в руках жертв нимало не смущали обитателей зверинца.

Решетка от первого же толчка сама пошла вверх, увлекаемая скрытым в стене противовесом. Конан и Аррадерс шагнули за порог - и в тот же миг настоящая волна тварей бросилась к ним; страшилища сбивали друг друга с ног, мяли и топтали упавших, изо всех сил стремясь первыми добраться до вожделенного живого мяса.

Хвост Аррадерса ударили с громким хлопком, точно пастуший хлыст. Вырвавшаяся вперед тварюга размером с волка на шести ногах и с тремя торчащими в разные стороны длинными, острозубыми кловами не смогла уклониться и тотчас рухнула бездыханной под ноги набегающих свор; тушу ее тотчас же принялись рвать добрый десяток страшилиш помельче.

Только теперь Конан понял, каким страшным противником был Аррадерс; по правде говоря, теперь киммериец удивился бы - имей он время - что справился с бывшим туранским сотником столь легко. Правая рука Аррадерса без устали рубила взятым у северянина мечом; левая ловко хватала бросавшихся на него тварей за глотку, страшные когти легко разрывали плоть и в сторону отлетал еще один труп с разорванным горлом.

Конан старался не отставать. Однако этот бой оказался куда тяжелее любого другого, в каком довелось сражаться киммерийцу. Твари нападали со всех сторон, спереди, сбоку, сзади, снизу, сверху - отовсюду на северянина устремлялся сплошной водопад оскаленных морд и выставленных когтей.

Удар - и отсечена голова прыгающего, наподобие лягушки, броненосца с клыками длиной в локоть Конана; поворот - и сверкающий веер стали превращает в два брызгущих кровью куска мяса тело восьминогого паука с выдающимися далеко вперед челюстями; затылком ощущается угроза - и Конан с разворота делает стремительный выпад, насквозь пронзая волосатую серую обезьяну с головой волка...

Во все стороны хлестала темная кровь. Под ногами сражавшихся валялись разрубленные, искромсаные туши чудовищ. Твари поменьше уже давно забыли о Конане и Аррадерсе и жадно рвали на части трупы своих собратьев; однако все до единого крупные существа твердо, как оказалось, помнили урок своих наставников и любой ценой пытались добраться до сражавшихся спина к спине Конана и его странного спутника.

Меч Гатадеса не знал преград. Казалось, ему ни почем любой, самый толстый роговой панцирь, самая прочная чешуйчатая броня. Аррадерсу приходилось тяжелее, но его выручало, помимо разящего насмерть жала, еще и точное знание того, куда и как следует ударить, чтобы наверняка свалить врага.

Шаг за шагом двое бойцов продвигались к противоположной стене зверинца, оставляя за собой залитый кровью и заваленный мертвыми телами пол. Самые яростные, самые дерзкие уже сложили головы, первыми кинувшись на показавшуюся столь легкой добычу; оставались поменьше и потрусливее. Конан уже вздохнул было с облегчением, когда находившаяся в другой стене зверинца дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая и тощая фигура в темно-коричневом плаще.

- Эвоя! - взвизгнул жрец, и непонятно было, то ли это был крик удивления, то ли - страха; однако для тварей в зверинце это оказалось командой.

Мелкие создания бросили рвать трупы. Из дальних, темных углов выползли те, кто решил почему-то отсидеться в сторонке. Забыв обо всем, даже о сохранении собственных жизней, свора храма набросилась на Конана и Аррадерса с такой яростью, что выдержать ее напор не смогли даже они.

Кроша и ломая зубы о полыхающую голубым сталь меча Конана, одна из тварей, прыгнув, вцепилась пастью в оружие киммерийца. Как бы ни была быстра его реакция, стряхнуть неожиданную тяжесть он не успел, на острие меча трое тупорылых, схожих с кабанами созданий деловито насадили дико визжащего от почти человеческого ужаса своего четвертого собрата, самого толстого из них; что-то мохнатое бросилось в ноги Конану, киммериец споткнулся, потерял равновесие - и в тот же миг меч был вырван из его невольно разжавшейся руки.

Варвар покатился по полу. Мимо него с шипением мелькнул хвост Аррадерса, жало разило по-прежнему, однако и на нем начинали задерживаться куски мяса жертв, насаживаясь на него, точно на вертел, еще немного - и смертельное острие скроется совсем.

И все же прежде чем клыки, резцы и зубы добрались до киммерийца, рука его случайно задела привязанный к поясу сверток с черной цепью разорванного ошейника Аррадерса. Не сознавая того, что он делает, Конан со всей своей громадной силой рванул прочную мешковину - из прорехи, точно черная змея, выскользнула зловещая цепь. По счастью, Конан держал ее рукой за обмотанную холстиной часть.

Удар и череп ближайшего зверя лопнул, обдав все вокруг настоящим дождем из смешанных с кровью мозгов и мелких обломков костей. Труп еще катился когда в зверинце внезапно замерло все движение. Глаза тварей неотрывно взирали на черный ошейник - а затем с истощными визгами вся уцелевшая свора бросилась наутек, не слушая отчаянных криков жреца в коричневом плаще.

Аррадерс повернулся к Конану забрызганное чужой кровью жуткое свое лицо-маску.

- Мой ошейник! - прохрипел он с несказанным удивлением. - Вот уж пригодился!..

Держа на виду внушительную свисавшую из его кулака черную цепь, Конан подобрал свой меч. Жреца в коричневом уже и след простыл; не приходилось сомневаться - он уже поднимал тревогу.

Выход из зверинца также оказался не заперт. Решетка поднималась вверх, и этого строители храма почему-то сочли вполне достаточным для того, чтобы безопасно держать сотни страшилищ совсем рядом с парадными залами храма.

Конан и Аррадерс вышли в коридор. Спутник Конана на ходу срывал когтями застрявшие на острие жала лохмотья омерзительной чужой плоти.

- Вот та лестница ведет во внутренний зал, - он вытянул руку. - Там для нас уже вовсю готовится теплая встреча...

- У них полным-полно лучников, - напомнил товарищу киммериец.

- Я пойду первым и как следует их напугаю, - усмехнулся Аррадерс мертвый, нечеловеческой усмешкой. Он похлопал себя по бедру: - Посмотрим, кто быстрее - их стрелы или мои прыжки!

Выход из коридора перекрывала двустворчатая дверь, запертая с противоположной стороны на засов.

- Здесь понадобится вся наша сила, - повернулся к киммерийцу его спутник. - Как только дверь рухнет, врывайся внутрь и падай на пол. Я постараюсь отвлечь на себя первый залп, а ты постарайся добежать до стрелков прежде, чем они дадут второй!

Взявшись за руки, Конан и Аррадерс отошли на несколько шагов, а затем разом с разбегу бросились на дверь и - то ли петли оказались недостаточно прочны, то ли плохо были откованы крепления засова - строики разлетелись в разные стороны и тьма подземелей сменилась светом масляных ламп, в изобилии развешанных по стенам зала с черной пирамидой.

Падая на руки и перекатываясь через плечо, Конан успел заметить густые ряды жрецов; блеск копий и мечей в их руках, натянутые луки стрелков и стремительно взлетевшее в неправдоподобно высоком и длинном прыжке тело Аррадерса с поднятым мечом и выставленными вперед когтями; хвост его был поджат, готовый ударить в любое мгновение.

Аррадерс оказался прав. Первый, самый тщательно нацеленный залп лучников пропал даром. Стрелы со свистом и звоном ломались о камни, однако никому не удалось задеть бывшего слугу Сета. И, пока Аррадерс совершил свой достойный восхищения прыжок, Конан с мечом наголо мчался прямо на шеренгу жрецов и из горла киммерийца рвался самый страшный боевой клич из всех, когда-либо раздававшихся среди холмов его родины, Страны Глубокой Ночи...

Несколько стрел все же мелькнули и над головой северянина, а одна даже оцарапала ему левое плечо - он не обращал на них внимания. Подобно медведю, врезавшемуся в густую собачью свору, киммериец налетел на жрецов, и его клинок взметнулся в привычной кровавой работе.

Перед Конаном мелькала череда искаженных гневом, яростью, страхом, лиц, мелькали руки, ноги, плащи, щиты, копья; сперва жрецы пытались окружить его и пустить в ход пики...

Острое разорвало бок куртки Конана; взмахом меча киммериец перерубил древко, рванул свободной рукой обрубок, выдернув из строя незадачливого копейщика, в спину которого тотчас ударило сразу три пики, предназначавшиеся северянину; прежде чем поразившие своего же собрата копейщики поняли, что к чему, и выдернули пики, Конан уже оказался возле них, тремя ударами повергнув на пол три разрубленных от плеча до пояса трупа.

- Эге-гей, Конан из Киммерии! - донесся до него крик Аррадерса. Держись, я иду, я иду к тебе!

Сплошная стена коричневых и серых плащей распалась, не успевший отскочить жрец схватился обеими руками за пробитое острым жалом горло, и беззвучно упал, страшно выкатив уже незрячие глаза; отпихнув его тело в сторону, возле Конана оказался Аррадерс, с головы до ног покрытый пятнами крови, уже не разобрать, своей или чужой...

- Направо - к выходу! - гаркнул он, нимало не заботясь о том, что его услышат их враги.

Даже при всей своей гибкости и ловкости киммериец с величайшим трудом успевал отбивать сыпавшиеся на него со всех сторон удары и выпады. Спина его покрылась потом, рука, сжимавшая меч, начинала неметь... Хотя немало копий было уже обращено в бесполезные обрубки, и немало вражеских тел осталось лежать с разрубленными головами и отсеченными конечностями, жрецы, точно безумцы, забывшие о смерти, не отступали. С истеричными взвизгами "О Сет!" они кидались прямо на Конана с Аррадерсом и погибали - однако на их место вставали новые и новые.

Долго так продолжаться не могло. Киммерийцу удалось избежать тяжелых ран, зато вроде бы мелких порезов становилось все больше, а рана, полученная в схватке с Аррадерсом, когда тот еще не избавился от черного ошейника, вновь раскрылась; и, самое главное - бритоголовый жрец, судя по всему, главный, искусно уклонялся от боя, держась в задних рядах и криками подбадривая своих. Конану никак не удавалось прорваться к нему.

И тем не менее заветная дверь приближалась. Киммериец отлично понимал, что бой не прекратится, когда они окажутся во внешнем зале - и все же в те мгновения эта дверь была единственным смыслом его жизни. Дойти до нее! - а все прочееказалось уже неважным...

Копье скользнуло вдоль лопаток Конана, разорвав кожу. Ответный взлеск меча, принадлежавшего Гатадесу - и противник опрокинулся навзничь с разрубленной наискось грудью. Второе копье, также нацеленное в спину киммерийца, отбил своим плечом Аррадерс, а ядовитое жало довершило дело.

Эта пара оказалась последней. Конан и его спутник очутились на пороге внешнего зала. Только теперь бритоголовый жрец, кажется, сообразил, что следует делать, и стал командовать отход - чтобы освободить место для лучников - однако он жестоко ошибался, если полагал, будто киммериец и бывший прислужник Сета будут дожидаться окончания маневра. Путь наружу был свободен, и Конан рванулся к спасительному проему так, что в ушах засвистел ветер. Рядом с ним огромными прыжками мчался Аррадерс.

На бегу киммериец петлял, как заяц, из стороны в сторону, чтобы сбить прицел лучников - это была не трусость, а военная необходимость, которой не должен пренебрегать всякий воин, желающий дожить до победы, - и все же две или три стрелы ужалили его, по счастью, лишь слегка задев плечи и бок...

Конан и его спутник с разгону вылетели в спасительную черноту окружавшей храм ночи

- и Конан тотчас же услыхал желанный звук - где-то впереди нежно пела флейта Айаны, указывая им дорогу.

- За мной, Аррадерс, не отставай! - на бегу прохрипел Конан, из последних сил заставляя отталкиваться от земли свои ноги...

Впереди внезапно зажегся слабый огонек. Трепещущий свет упал на вытоптанную, неправдоподобно гладкую землю; в самой середине этого круга стояла жрица, не отрывавшая от губ заветной деревянной флейты. Заметив вырвавшегося из тьмы первым Аррадерса, она невольно выронила инструмент и вскрикнула от ужаса; и тотчас ее облик стал на глазах таять, превращаясь в простое туманное облачко...

- Эй, постой, а как же мы?! - дико заорал Конан, с ходу влезая в освещенный круг.

- Конан, скорее, пока чудовище не... - донесся до него слабеющий голос Айаны, словно ее уже отделяли от киммерийца бесконечные лиги.

- Кром! - зарычал киммериец, хватая Аррадерса за когтистую лапу и едва ли не в последний момент втаскивая его в круг света.

На сей раз путешествие оказалось куда менее приятным и быстрым, чем первый переход Конана от Последней Рощи к Храму Сета с Айаной. Их с Аррадерсом немилосердно швыряло из стороны в сторону, холод был такой, что больно становилось дышать; невидимые лапы вцеплялись в руки и плечи Конана, стремясь оторвать его от Аррадерса, зашвырнуть куда-то в самые дальние уголки преисподней... На траву заветной Рощи Свайолей они оба свалились совершенно обессиленные.

И тем не менее Конан заставил себя подняться, - потому что с самого первого мгновения чувствовал на себе взгляд Айаны, и взгляд этот не сулил ему, Конану, ничего хорошего.

Он выпрямился. Израненные руки, спина, плечи обильно кровоточили, однако дриада не подала и виду, что собирается перевязать его раны. Вместо этого она кивком головы с презрением указала на Аррадерса.

- Зачем ты притащил в мою рощу это грязное порождение Сета?! - Голос ее дрожал от несдерживаемого гнева.

- Айана, это вовсе не демон и не слуга Сета... - начал было объяснять Конан, сгоряча позабыв мудрое правило насчет того, что женщине нужно говорить: "Так будет, потому что этого хочу я", - а не пускаться в оправдания пополам с объяснениями. Дриада прервала его яростным вскриком.

- Эта тварь не будет оскорблять своим мерзким дыханием воздух моей рощи! - выкрикнула она и вновь подняла к губам волшебную флейту.

- Стой, дура! - лишившись терпения, гаркнул Конан, словно перед ним была не могучая чародейка, хозяйка магической рощи, а простая шадизарская девка. - Стой, тебе говорят!

Сильная и жесткая ладонь киммерийца вырвала коричневую флейту из рук Айаны.

- Истинно сказано, что Митра за красоту отнял у женщин весь разум!.. Послушай, жрица, это Аррадерс, бывший слуга Сета, зачарованный им, а в прошлом - такой же человек, как и я. На нем был надет вот этот черный ошейник, - Конан поднял рассеченную его мечом цепь, - который заставлял его повиноваться. Но теперь он избавлен от пут и хочет сражаться вместе с нами, чтобы отомстить - ведь ему теперь предстоит до конца жизни обретаться в этом пугающем темных людей облике!

- Это истинно так, О прекрасная хозяйка, - послышался слабый голос Аррадерса. - Понятны мне твои страхи и твое отвращение. Ибо сама ты прекраснее разгорающейся зари, когда небесные возничие закутывают дорогу солнца розовыми шелками над морем Вилайет...

Раньше я думал, что на свете нет ничего красивее этого - а теперь вижу, что ошибался. Ибо гармония лика твоего, блеск очей и трепет губ, что алостью своей заставят страдать от зависти и рассветы и закаты - прекраснее всего, что я когда-либо видел в несчастной и темной своей жизни. Теперь я могу смело умереть - ибо я видел Совершенство, а, раз увидав его, жить больше незачем...

И уродливая, когтистая, хвостатая тварь в сухо шелестящей чешуе медленно преклонила колена перед дриадой и коснулась рогатым лбом земли возле ее ног.

"Ах, женщины!" - угрюмо усмехнулся Конан, увидав, как от этих немудрящих комплиментов щеки Айаны порозовели, приоткрылись губы и заблестели глаза.

- Благодарю тебя за учтивую речь, Аррадерс, - потупясь, промолвила дриада. - Прости меня за мой гнев. Теперь я чувствую, что твоя душа и впрямь свободна, коварный Сет не повелевает ею издалека - а то ведь он мог подстроить нам и такую ловушку... Если ты хочешь встать на нашу сторону - я буду рада, и все свайоли вечно станут благодарить тебя. Ты не человек, - она на мгновение запнулась, - так что запрет Высоких Богов не будет нарушен...

- Тогда приказывай мне, о повелительница! - воскликнул все еще распластертым на земле Аррадерс.

- Здесь приказывает доблестный Конан, - изящным жестом белой руки Айана указала на киммерийца.

Северянин встряхнулся, сбрасывая странное оцепенение и гася подступивший было гнев - или, быть может, ревность?

- Для начала нас нужно перевязать, - прорычал он. - Не видишь ты, что ли, женщина, что мы оба вот-вот истечем кровью? А потом - где мое золото за отслуженный срок?

Резко повернувшись, киммериец зашагал по направлению к дому Айаны. Дриада недоумевающе взглянула ему в спину.

- Он очень, очень крепко бился, - мягко произнес Аррадерс, бесшумно приближаясь к ней. - Зато теперь у него меч, что может разить демонов и иных тварей из Тьмы, и остатки того ошейника, что был надет на мне - его тоже боятся создания Сета... Пойдем, о прекрасная Айана, свет моего уродливого сердца, ибо Конан и вправду нуждается в твоей помощи...

Наверное, это были их лучшие часы. Кругом была ночь - лишь в очаге Айаны ярко горел огонь. Они сидели втроем, ели подносимые Айаной яства, пили воду из зачарованных источников ее рощи, что облегчала душу и тело лучше самого старого вина; они даже смеялись, потому что вновь вернулась надежда. Конан с мечом Гатадеса чувствовал себя куда увереннее, нежели чем просто за линией ловушек, что расставили они с Айаной. Даже Аррадерс повеселел, хотя его история была долга и печальна - история о том, как он попал в силки Сета...

Наутро Конан пробудился в отличном расположении духа. После снадобий Айаны почти от всех его ран остались лишь небольшие шрамы; тело было полно сил. Судя по всему, отлично чувствовал себя и Аррадерс.

- Это удивительное и поистине волшебное место, - шепотом сообщил он Конану, стараясь не смотреть на внимательное лицо ближайшего свайоля, тотчас же обратившееся к ним, стоило им остановиться возле его подножия. - Не будет похвальбой сказать, что я с радостью отдам жизнь и за этот лес, и за его прекрасную хозяйку...

Конан вновь ощущил укол ревности, однако смолчал.

- Пошли, а то все на свете проспим, - буркнул он, направляясь к границе рощи. -

Смотри, как бы нас не сожрали тут за возвышенными беседами!..

Они миновали залитый радостным утренним светом Лес Свайолей и остановились на краю зарослей. Конан в двух словах пояснил Аррадерсу суть сооруженных здесь устройств.

- Разумно и ловко, - одобрил бывший сотник Дозорной Тысячи. - Только это, боюсь, надолго их не остановит...

- Сам знаю, - угрюмо буркнул Конан. - Однако что мы еще можем придумать?

- У тебя меч, который страшен для порождений Сета. У тебя та проклятая цепь, что так долго стягивала мою душу. Я бы на твоем месте укрылся на дереве. А уж я постараюсь подманить этих тварей к тебе поближе. И тогда... прыгай вниз и руби им ошейник! Главное - освободить первого. Дальше уже будет легче.

- Ну, это я и сам знаю, - усмехнулся киммериец, - Однако в остальном твой план хороши. Только вот как быть с Крылатыми?

- Этих я беру на себя, - заявил Аррадерс. - Их ошейника мне, конечно, не разрубить - но уж оставить им каплю-другую яда я постараюсь!

- Еще неизвестно, подействует ли он на них, - заметил Конан.

- Все равно ничего другого у нас нет, - пожал плечами его товарищ.

Они умолкли. Перед ними лежала озаренная ласковыми рассветными лучами равнина. Было очень тихо, ничто не шевелилось, казалось, лежебока-ветер решил в этот день предаться лени.

Однако киммерийца не покидала тревога. Что-то недобroe мало-помалу подползало все ближе и ближе к границам рощи; что-то пока невидимое, но грозное... Видимо, Аррадерс тоже что-то почувствовал - привстал на цыпочки, шумно втягивая воздух уродливым плоским носом с вывернутыми наизнанку ноздрями. И тут над дальней синей чертой отделенного от них равниной леса с многоголосым воплем взвилась целая туча птиц, разом наполнив воздух своими полными ужаса криками.

- Они идут! - повернувшись к Конану, прохрипел Аррадерс, глаза его совсем остекленели.

Это Конан чувствовал и без него. Чутье варвара-киммерийца не обманывало. Враг был у ворот.

Глава 7.

Они появились ниоткуда. Просто одно из деревьев на краю далекого леса внезапно рухнуло, а на его месте появилась знакомая уродливая голова рыжего ящера. Спустя еще секунду из облаков над тем лесом вынырнули две стремительные крылатые тени; чуть позже, выдрав с корнями целую поросьль дрока, появился Хатар, а за ним деловито ползли и последние двое из страшной шестерки.

День не померк, солнце не подернулось тучами, зловещая туманная мгла не поползла из ложбин и оврагов - под яркими лучами шли слуги Сета, гордо показывая, что не нуждаются ни в каких иных декорациях для своего кровавого представления, кроме одной лишь своей силы.

Они шли медленно и торжественно, сознавая свою мощь. Они не торопились. Перед ними в страхе слабо шелестела листвой обреченная роща - и кто мог остановить их или хотя бы помешать им?

Громадные лапы мерно поднимались и опускались. Широкие кожистые крылья с когтями на сгибах били ветер и воздух зловеще шипел, рассекаемый угловатыми телами. Даже издалека Конан и Аррадерс могли видеть толстенные черные цепи на шее каждого из демонов; однако теперь Конан знал - если разрубить эту зловещую цепь, тварь перестанет подчиняться своему былому хозяину. В этом состояла его единственная надежда. "Сберечь хотя бы Древо-Отца!"

Крылатые бестии могли бы за считанные мгновения покрыть отделявшее их от рощи расстояние - однако они тоже медлили, словно наслаждаясь каждой секундой приближения, нарочно оттягивая миг сладостной трапезы, отчего она потом становилась еще желаннее...

Конан невольно вытянул меч из ножен до половины. Сейчас еще было не время, но молодой киммериец не мог сдержаться, - твари, которые неторопливо шагали сейчас навстречу через равнину, оказались куда отвратительнее, чем в видении. Нет, в их облике ничто не изменилось - но видеть их вот так, воочию, почти что лицом к лицу, оказалось нелегко. Они казались сейчас средоточием, квинтэссенцией чистого Зла. Благочестивые жрецы Митры многое могли бы порассказать об этом, но сейчас северянин и без их многомудрых пояснений понимал главное - перед ним тот враг, с которым стоит биться насмерть - не за золото, славу и прочее, а биться просто потому, что человек не может терпеть присутствие рядом с собой этой нечисти.

- Экие красавцы, - задумчиво произнес Аррадерс. - Интересно, они разделятся или полезут все скопом? Хорошо бы разделились...

Конан не ответил. Как завороженный, он следил за рыжим ящером, который, судя по всему, был среди демонов кем-то вроде вожака. Как и положено предводителю, ящер шагал первым. Время от времени он поворачивал уродливую башку с тем, чтобы еще раз оглядеть свое разномастное воинство; однако мало-помалу Конан стал чувствовать, что зверь - или может, демон, злой дух в зверином тебе - все чаще и чаще поглядывает прямо на киммерийца, хотя тот и скрывался в густой, непроглядной поросли.

- Сдается мне, они учゅяли нас, - сквозь зубы бросил киммериец.

- Тогда отойдем в другое место, - резонно предложил Аррадерс.

Однако это уже не помогало. Остальные пятеро демонов не обращали на защитников

роши никакого внимания - быть может, и в самом деле не видели, однако рыжий ящер уже не сводил с них своего пристального взгляда. Конан чувствовал этот взгляд даже спиной; и уверенности в себе это отнюдь не прибавляло.

- Хватит нам тут торчать, - проворчал киммериец, - все равно никакого толку. Надо чуть отступить. Если хоть один из них напорется на крючок услышим и с другого конца рощи.

Они так и сделали. Правда, Аррадерс настоял, чтобы они все же вскарабкались на одно из высоченных деревьев, за которым уже начинались сплошные ряды свайолей.

Небо стремительными черными росчерками перечеркивали два крылатых демона. Они вились как раз над головой рыжего ящера, не осмеливаясь залетать вперед него. Судя по всему, именно он должен был открыть это сражение; и Конан инстинктивно ощутил, что исход поединка решится в схватке между ним и этим рыжим страшилищем. Если вожак Шестерки испустит дух - справиться с остальными будет уже куда легче.

- Нам надо уложить этого любой ценой, - Конан кивком головы указал Аррадерсу на вожака. - Остальные - пусть их; пока они будут заняты корчевкой обычных деревьев, будет шанс управиться с рыжим демоном!

- Этого - тяжелее всех будет, - чуть изменившимся голосом ответил Аррадерс. - Но ты, разумеется, прав. Он здесь верховодит, он - голова...

- Надеюсь, он будет достаточно туп, чтобы угодить в одну из моих ловушек, - пробормотал Конан.

Демоны приближались, им оставалось преодолеть не больше одной десятой лиги. Фасеточные глаза Хатара дико горели, пасть была приоткрыта, трубчатый язык мотался из стороны в сторону, но не так, как у размореной жарой собаки; нет, скорее это напоминало движения змеи, ищущей себе жертву...

Под лапами рыжего ящера захрустели первые кусты.

- Конан! Ко-о-нан! - вдруг донесся тонкий девичий голосок Айаны.

- Вот проклятая девчонка! - выругался киммериец. - Вечно их несет в самый неподходящий момент!

Ящер внезапно приостановился, смешно, совсем по-птичьи склонив на сторону свою уродливую голову. Он словно прислушивался к крику дриады...

Тварь же со смахивающей на секиru головой, очевидно, ничто подобное не заботило. Вожак ступил на землю рощи, и теперь каждый мог действовать по собственному усмотрению. Громадное тело грузно сунулось в заросли, ломая и выдирая с корнем старые кусты южного можжевельника - и ненароком задело искусно спрятанную среди ветвей бечеву.

- Конан, да где же ты?! - надрывалась Айана. - Мне страшно, Конан!

Сперва тварь даже и не заметила того, что за одной из ее лап что-то тянется. Не встревожил ее и сухой щелчок где-то высоко в кроне дерева, под которым шагали ее многочисленные ноги...

Натянувшаяся бечева вырвала сучок-подпорку и три громадных камня, с большим трудом втащенные туда колдовским искусством Айаны, разом сорвались вниз. Конан, однако, не рассчитывал, что тварь будет стоять настолько удачно, чтобы одной из глыб размозжить ей голову...

Обвязанные лианами валуны низринулись вниз, прямо навстречу многооногой твари. Из вороха сухих листьев, сломанных веток и прочего лесного мусора рванулась толстая жердь с часто насаженными на нее, подобно зубцам гребня, острыми и длинными серебристыми

листьями Отца-Древа, что могло разить лучше любого сделанного человеческими руками кинжала...

Рывок был столь стремителен и быстр, что демон не успел ни отпрянуть, ни защититься. Удар пришелся ему поперек широкой груди. Часть листьев ножей сломалась о твердые пластины панциря, однако больше половины пробило броню...

Воздух священной Рощи сотрясся от дикого рева, смешанного с хрипом и бульканьем. Тварь встала на дыбы, голова ее взметнулась выше древесных крон; жердь с вонзившимися в плоть демона ножами болтала перед покрытой кровью грудной чешуей. Клешни и когтистые лапы в бешенствеолосовали воздух, костяной гребень на голове несколько раз яростно ударил по ветвям того дерева, откуда свалились камни, словно мстя за нанесенную рану...

- К нему! - взревел Конан, бросаясь вниз.

- Стой! Сюда летят крылатые! - донесся ответ Аррадерса.

Конан на бегу взглянул вверх. Две черных молнии стремительно неслись с небес, явно нацеливаясь на то дерево, с которого только что спрыгнул киммериец и где еще оставался его товарищ...

- Конан! ! - Из кустов вырвалась растрепанная от быстрого бега дриада.

- Не суйся под руку! - рявкнул киммериец. Раненое чудовище билось и корчилось, отчаянно пытаясь стяхнуть засевшую в ране громадную жердь с частоколом лезвий, однако почему-то не решалось коснуться ее ни клешней, ни когтем, ни лапой. Длинное тело металось из стороны в сторону - и в любой момент могло задеть приводную бечеву соседней ловушки.

- Ты насадил его на крюк? - выпалила Айана, с разгону ударяясь о широкую грудь северянина. - Ты изловил первого?

- Нет, он попался не на крюк, - ответил Конан, не скрывая досады. Дорога каждая секунда, а тут эта девчонка...

Истошный вой и визг возвестили, что Аррадерс вступил в неравный бой с крылатыми тварями.

- Я с тобой! Надеюсь, мое копье придется ему не по вкусу! непрекаемым тоном заявила Айана, потрясая самодельным копьем, увенчанным серебристым наконечником из листа Отца-Древа, только куда длиннее и толще прочих, использованных Конаном для возведения заграждений.

Времени спорить и бранить глупую девчонку не было (в те мгновения киммериец как-то не думал о ней как о полубогине); Конан бросился к изрыгающему из глотки кровавую пену зверю.

Члены громадного, налитого злой жизненной силой тела крушили все вокруг. Летели крупные комья земли, кусты и молодые деревца выворачивало, вырывало с корнем, тварь терлась грудью об ободранный ствол пальмы, пытаясь освободиться.

Киммериец замедлил бег, прикидывая, с какой стороны будет безопаснее подобраться - и тут Айана едва не испортила все дело. С диким визгом, от которого у Конана заложило уши, она метнулась вперед, прямо к оскаленной морде чудовища, и что есть силы ткнула копьем, целясь в один из налитых злобой глаз.

Стремительным движением костяного гребня на голове чудовище легко отбило этот выпад; клешня нацелилась на Айану сбоку, дриада успела отскочить в самый последний момент, однако край ее одеяния оказался зажат в мощных роговых тисках.

Страшилище, казалось, совсем забыло о ране. Перед ним была живая плоть, самое лакомое, самое желанное блюдо демонов. Несмотря на обильно струящуюся из ран темную кровь, оно явно не сбиралось отказываться от вожделенного обеда...

Киммериец с глухим проклятьем бросился к тащившей омертвевшую Айану клешне. Уродливая голова чудища мотнулась из стороны в сторону, костяной серп пронесся в ладони от Конана, едва не сшибив того с ног - однако северянин успел проскользнуть к вытянутой вперед конечности и косым ударом, держа меч обеими руками, развалить клешню на две беспомощные половины. Пока к ним тянулись другие щупальца, лапы и когти, Конан успел отшвырнуть Айану назад, подальше от демона, и вновь повернуться к нему. Меч горел в его руках яростным голубым огнем.

Поглощенный схваткой со своим противником, Конан и думать забыл о том, что происходит с другими тварями Сета. Рыжий ящер стоял неподвижно, пристально глядя на приключившееся с сородичем, однако не сделал ни малейшей попытки прийти тому на помощь. Казалось, он о чем-то напряженно размышлял, для завершения этих размышлений ему необходимо было знать, чем закончится это дело... Ползуны же - зверь Хатар и его безымянный брат - судя по треску, вломились в преддверия рощи примерно в четверти мили от Конана. Рыжий ящер оказался посредине, между своими подручными.

Киммериец не знал, что сейчас происходит с Аррадерсом и жив ли он вообще; в этот момент он видел лишь толстую черную цепь на шее противостоящего ему чудовища. Разрубить ее - и еще один мятежный дух покинет темные пределы, освободившись от власти Великого Змея - а он, Конан, приобретет могучего союзника. Только бы перерубить ошейник!..

Однако он имел дело не со слегка измененным человеческим телом Аррадерса. Черная цепь на этой твари пряталась среди глубоких роговых впадин и наростов; костяной серп головы делал ее почти невидимой.

И все же Конан рискнул.

Пригнуться, подхватить валявшееся на земле копье Айаны и вновь метнуть его, было для киммерийца делом одной секунды. Громадный, едва обтянутый кожей череп вновь дернулся, отбивая в сторону ничтожную тростинку, которая могла в лучшем случае лишь оцарапать его - и северянин, подобно тигру, ринулся в открывшийся проем, пока чудовищная серповидная кость не вернулась на место.

Он проскользнул между двух клешней; увернулся от щупальца; снес мечом оцарапавшую ему плечо лапу с когтями и оказался возле самого тела монстра.

Черная цепь маячила совсем рядом. Конан мог бы, при желании, даже коснуться ее. С виду она могла бы показаться самой обыкновенной толстой якорной цепью, скованной из вороненого металла - однако от нее исходило нечто, которому темный варвар не мог найти названия - "как если бы можно было увидеть саму Вонь!" - подумалось ему.

Меч с размаху рухнул на выпирающее черное звено, рухнул - и со звоном отскочил, едва не вырвавшись из рук киммерийца. Клинок лишь надрубил цепь, но не рассек ее...

В тот же миг когти твари впились в незащищенную спину Конана - вернее, оцарапали ее, потому что он рванулся в сторону - в последний момент. Что-то подсказывало ему упасть на землю; и он сделал так, а воздух над ним рассекла здоровенная клешня. Оставаться дольше так близко от чудовища было безумием; Конан перекатился через плечо, вскочил и одним прыжком оказался на безопасном расстоянии. Демон тотчас рванулся за ним.

- Айана, уходи! - крикнул киммериец, тщетно пытаясь обогнуть раненую тварь и

подобраться сбоку - чудовище высоко вскидывало голову и всякий раз преграждало ему дорогу. Конану ничего не оставалось делать, как медленно отступать, пятиться шаг за шагом, грозя демону мечом. Тот уже успел сообразить, что эта железная полоса сильно отличается от всех тех, с какими ему приходилось иметь дело, и поэтому осторожничал, втянув под панцирь уцелевшие клешни и лапы. Зато пасть была широко распахнута, и куда бы не рванулся киммериец, его встречал все тот же голодный блеск злобных глаз. По длинным клыкам стекала дымящаяся слюна; там, где капли касались земли, тотчас начинал клубиться белесый дымок.

- Сзади ловушка! - внезапно крикнула киммерийцу Айана, и тот успел остановиться и метнуться в сторону - зато бросившийся за ним демон вновь задел мордой бечеву.

Вторая ловушка, куда киммерийцу удалось завести своего врага, была еще хитрее первой. Камни упали с трех деревьев одновременно: тугие, сплетенные из лиан канаты потянули за собой две рамы из перекрещенных жердей, густо усаженных кривыми клинками. Смертельные для любого другого существа челюсти сомкнулись; угол одной из рам ударили о костяной серп на голове чудовища и надломился, зато вторая ударила точно в бок чудовищу, вонзившись всеми своими шипами.

От воя раненого страшилища на время заложило уши. Кровь густо текла теперь не только по груди, но и по бокам тела демона; и, пока тот бился и извивался, пытаясь справиться с первой, самой острой и невыносимой болью, Конан вновь оказался рядом.

На сей раз пара щупалец оплела его плечи, сдавила грудь так, что затрещали ребра и дыхание пресеклось - однако благодаря этому Конан вновь оказался возле самого тела твари, возле надрубленного им звена на черном ошейнике. Киммериец рубанул вновь, однако боль от сдавливавших тело щупалец стала тоже нестерпимой, он хрипло закричал, не слыша собственного крика - и промахнулся. Меч глубоко ушел в зловонную пасть; пузырясь и пенясь, кровь ручьем хлынула из широкой раны; однако ошейник остался цел, а главное - руки варвара оказались опутаны третьим щупальцем...

Киммерийца ударило оземь, в глазах его уже плавал красный туман, сознание начало мутиться... как его внезапно и резко отбросило в сторону, так что он едва не сломал себе спину, ударившись о ствол дерева - это Айана, безумно смелая маленькая дриада, никогда не державшая в руках боевого оружия, вновь ухитрилась подобрать свое копье и, брошенное ее рукой, оно вонзилось как раз в проделанную мечом Гатадеса брешь в сплошной роговой броне.

Древко проникло глубоко в омерзительную плоть; щупальца тотчас обмякли, из-под панциря выпала переставшая повиноваться бессильная клешня...

Боль раздирала внутренности, однако киммериец заставил себя подняться. Меч был по-прежнему в его руке; и он видел, что чудовище впервые за этот бой получило, наконец, серьезную рану.

Из глотки демона внезапно вырвался оглушительный высокий вой, почти визг, от которого начинало ломить в висках; однако этот визг не был просто криком боли. Конан различал в нем странные и древние слова нечеловеческого языка, на котором, бывало, с киммерийскими племенами говорили их мрачные и суровые покровители, память о которых еще сохранялась у кое-кого из стариков.

Демон звал на помощь.

Крик раненого чудовища отрезвил и северянина, уже начавшего опьяняться азартом боя и позабывшего о двух крылатых демонах и двух ползунах, которым сейчас ничто не

препятствовало, если не считать неуклюжих, на скорую руку сооруженных ловушек да одинокого Аррадерса. Былой слуга Сета хорошо сражался, однако мог ли он выстоять против двух летучих тварей?!

И все же эту тяжело раненную тварь нужно было добить во что бы то ни стало!

Конан шагнул вперед. Первый шаг отозвался острой болью в спине, второй дался уже легче, на третьем боль как будто бы и вовсе отступила. Киммериец, подобно тигру, бросился на своего истекающего кровью противника, заходя с той стороны, где щупальца и клешни бессильно волочились по земле...

На сей раз, ему угрожал только костяной серп, но движение его было нерезким, замедленным, Конан легко уклонился - и вторично ударили по черной цепи ошейника, по надрубленному в первой атаке звену.

Хотя искусство стрельбы из лука и не слишком хорошо давалось Конану, глаз у него был точен. Меч Гатадеса ударили точно в проделанную им же до этого щель - и с мокрым, чавкающим звуком цепь медленно распалась. Перерубленный ошейник тяжело соскользнул с шеи чудовища и тупо ударился оземь.

Киммериец поспешил отскочил назад. После случившегося с Аррадерсом он и на сей раз ожидал, что горящий безумной жаждой крови и смерти взор страшилища прояснится, быть может - оно даже заговорит своим прежним, человеческим голосом... На мгновение ему стало даже жаль, что они настолько сильно изранили будущего союзника...

Ошейник валялся на земле. Символ власти Сета над этим существом был разрушен, сорван, повержен, и... ничего не произошло. Во взгляде страшилища ничто не изменилось.

- Это что такое?! - вне себя вскричал Конан. Он был настолько поражен увиденным, что сделал несколько шагов вперед, совсем забыв об осторожности, и рванувшаяся левая клешня чудовища оставила кровавый след на его плече; северянин едва успел отшатнуться.

Тварь по-прежнему билась и дергалась, стараясь избавиться от впившихся в него живых клинков. Медленно, постепенно, она начала пятиться задом, по-прежнему мотая жуткой башкой.

- Айана... оно не освободилось! - вырвалось у Конана. Разочарование было слишком велико для того, чтобы его скрывать.

Дриада не успела ничего ответить, а киммериец - броситься в последнюю атаку и добить раненого демона, как рыжий ящер наконец решил, что пришла пора вступить в бой и ему. Вознесенная над верхушками деревьев голова повернулась к киммерийцу и чудовищные лапы сделали первый шаг.

- Кром! - зарычал Конан, в ярости останавливаясь. Ящер ломился через заросли напрямик, недвусмысленно выказывая намерение сразиться именно с киммерийцем и ни с кем иным. Свайоли, похоже, его сейчас заботили мало.

Конан знал, что на пути ящера будут самое меньшее две ловушки, но... нечто вроде старого охотниччьего чутья, помогавшего угадать, куда направится ускользнувший в первый момент зверь и куда следует идти самому, на сей раз подсказывало Конану, что бросаться очертя голову на раненую тварь не следует.

Ящер с разгону вломился прямиком в настороженную западню. Каменная глыба грохнулась с дерева, утыканная листьями-ножами жердь мелькнула где-то около мягкого подбрюшка; серебристые клинки вонзились в плоть чудовища... и вновь ничего. Ящер издал лишь короткий и низкий рык, исполненный такой злобы и такого гнева, что содрогнулся даже киммериец. Четыре пары могучих лап вцепились в окровавленную жердь, легко

вырвали ее из раны и отбросили прочь. Глухо и яростно рыча, ящер шел прямо на застывших Конана и Айану.

Сработала вторая западня. Из-за недостатка времени Конан не мог устроить достаточного количества самострелов, однако несколько штук он все же соорудил. И один из них оказался как раз на пути рыжего ящера...

Щелкнула туго натянутая тетива, наспех выструганный ствол молодого дерева впился в левое бедро ящера - и даже пробил броню, однако сила была потеряна и он лишь слабо оцарапал плоть. Ящер взрыкнул, махнул лапой, стряхивая наземь докучливую занозу, и как ни в чем не бывало двинулся дальше.

- Айана, беги! - приказал Конан, поудобней перехватывая меч и ловя взор туповатых огненных глазок, как делал всегда перед поединком, стараясь по направлению взгляда понять, что предпримет противник.

Однако глаза этого ящера неожиданно оказались не туповатыми и не огненными. К полному изумлению Конана, это оказались живые, человеческие глаза, в которых читались и ум, и воля. Что-то случилось после того, как был разрублена ошейник твари с костяным серпом на голове; взгляд ящера был по-прежнему полон ненависти и жажды крови, однако это были уже не демонические глаза.

Изменились несколько и движения ящера. Прежде он двигался мягко и ловко, теперь же - брел словно кукла-марионетка, управляемая искусными руками кукольника. Нет, в нем не убавилось ни силы, ни гнева - просто шел он теперь как-то иначе, но тогда Конан не мог долго над этим задумываться. Перед мысленным взором киммерийца всталася сцена из явленного ему видения Гатадес с мечом, перечеркивающий сияющей полосой косого взмаха нависающее над ним брюхо чудовища, и киммериец уже примерялся, чтобы кинуться в атаку, как вдруг понял, что зверь направляется даже не к нему, а к бьющемуся и корчащемуся от боли раненому собрату. Конан понял это слишком поздно, вдобавок ящер приближался к истекающей кровью твари с той стороны, где еще действовали все лапы, клешни и щупальца: было слишком рискованно становиться меж двух таких огней.

Могучие верхние конечности ящера легко выдернули из спины сородича утыканые листвами Отца-Древа рамы. Громадная лапа переломила и засевший в груди раненого чудовища гребень; после этого ящер медленно потащил заметно ослабевшую от потери крови тварь прочь из рощи.

Лапы ящера потянулись было и к валявшейся на земле разрубленной черной цепи ошейника, но уж на сей раз Конан не сплоховал. Стремительный размах меча заставил ящера спешно отдернуть распоротую вдоль кости лапу; после чего чудовище, уже не пытаясь вступить в бой, довольно-таки проворной трусцой двинулось прочь из Леса Свайолей.

Конан издал торжествующий киммерийский боевой гик и ринулся в погоню. И кто знает, быть может, ему бы и удалось добить серьезно раненную тварь, - он настиг ее в два прыжка и меч его вновь глубоко рассек ее покрытую кровью грудь - если бы до его слуха не донесся отчаянный крик Аррадерса, смешавшийся с диким воплем Айаны:

- Они рвут свайоля! ! !

Дриада буквально повисла на Конане. Ее тонкие и изящные ручки развернули киммерийца лицом в противоположную сторону с такой силой, какую он не встречал у самых мощных своих противников, с которыми ему приходилось бороться.

- Они рвут свайоля! ! ! Конану оставалось только одно:

- Эту тварь надо прикончить! Или она вернется! ! ! Быть может, он и не подчинился бы

неразумному с военной точки зрения порыву Айаны, если бы в сознании киммерийца внезапно не зазвучал голос Отца-Древа:

"Поспеши. Твой друг в опасности. Крылатые нацеливаются на меня".

Это не было призывом о помощи. Сухой, спокойный голос сообщал некое известие, как будто совсем и не касающееся его обладателя.

И киммериец ринулся вслед за Айаной.

Глава 8.

Пока Конан и дриада сражались с тварью, которая первой вползла в рощу, с Аррадерсом происходило следующее.

Уже полностью человек своим сознанием, турانец заставил себя забыть на время об уродливом и ужасном теле, из-за которого ему навсегда - если только он останется жив - будет закрыта дорога в мир людей. Все его внимание было приковано к двум стремительно приближавшимся крылатым бестиям, к их сверкающим когтям, изгибам могучих крыльев, оскаленным пастьям, которые куда больше подошли бы какому-нибудь ходящему по земле крупному хищнику, нежели летающему созданию. Демоны отлично видели его и не собирались медлить. Сейчас, сейчас - удар длинного крыла сшибет его наземь, а затем длинные зубы примутся алчно рвать на части его плоть...

Аррадерс сжался, точно мощная пружина. В этот миг он готов был даже благодарить Сета за пришедшую тому в голову мысль сделать Аррадерса высоко прыгающим существом. Могучие мышцы его ног напряглись; и в тот миг, когда ни один из крылатых демонов уже не мог отвернуться, Аррадерс прыгнул.

Ветер зло свистнул в ушах; коричневый бок демона оказался совсем рядом, и Аррадерс что было сил полоснул по нему и мечом, и когтями, и ядовитым жалом.

Он рассчитал все точно. Демоны не успели встретить его ни клыками, ни лапами. Меч Конана лишь слегка оцарапал прочную роговую броню - однако и жало, и когти Аррадерса глубоко вонзились в тело чудовища, как будто его и не прикрывала никакая чешуя...

Уже падая вниз, Аррадерс хлестнул хвостом и второго демона, только-только начавшего разворачиваться пастью к новому врагу. И вновь ему сопутствовала удача, хотя тварь судорожным рывком ушла в сторону, поспешно взмахнула крыльями и стала набирать высоту.

Первому же демону повезло куда меньше. От боли он, верно, потерял ориентировку и врезался в густую крону дерева, на котором до этого прятался Аррадерс; крылья чудовища запутались, и оно тяжело рухнуло на землю, ломая своей тяжестью ветки и сучья.

Аррадерс опустился как раз рядом с ним. И прежде, чем не успевший прийти в себя зверь опомнился, он от всей души хлестнул ему по глазам жалом. Ядовитый шип угодил точно в орбиту; демон зашипел и задергался, из глазницы потекла коварная слизь. Зубы чудовища щелкнули, однако Аррадерс вовремя отпрянул.

- Это тебе, Сет! - глумливо выкрикнул он, упиваясь своей первой победой. - За все, что ты сотворил со мной, за то, что надел на меня черный ошейник! - И он нацелился впиться своими длинными и острыми когтями в горло трепыхавшемуся на земле одноглазому демону.

Шум крыльев над самой своей головой распаленный схваткой Аррадерс услыхал, увы, слишком поздно. Он совсем забыл про второго врага - и теперь едва-едва успел увернуться от нацеленных в голову страшных когтей; однако они все-таки вырвали изрядный кусок мяса из его плеч.

От боли потемнело сознание; помимо воли Аррадерса в него стали проникать какие-то странные, пугающие мысли - некто громадный, в темном, грозил своему былому слуге страшными, непредставимыми муками за предательство; и тут же добавлял, что все еще может быть забыто и прощено, если он, Аррадерс, принесет ему, Великому Змею, голову киммерийца Конана и дриады Айаны, дерзнувших противостоять Ему, Непобедимому, перед

которым трепещут и Ассура, и Митра, и прочие мелкие боги!

Аррадерс скрипнул зубами и поднялся. Оба крылатых демона опустились на землю - им было не развернуться между деревьями с их громадными крыльями - и теперь наступали на него. Когти на сгибах крыл были выставлены вперед; длинные клювы-пасти злорадно и хищно скалились в жутких усмешках; глаза неотрывно вперивались в зрачки Аррадерса, стремясь вновь погасить едва-едва освободившуюся его душу, заставить его собственное тело обернуться против него - и потом, насладившись его страхом, его мучениями, передать в руки их страшного господина...

Аррадерс зарычал, изгибаясь и вновь готовясь к нападению. Хвост с жалом давал ему известное преимущество; меч же оказался полностью бесполезен. Лучше было использовать когти...

Демоны неспешно напирали, Аррадерс так же неспешно отступал. Сейчас, сейчас... вот, чуть более открытое место, над головой - чистое небо...

Мощные мышцы ног вновь швырнули его тело вверх и вперед. Он оказался за спинами демонов - и вновь, с неописуемым, почти сладострастным наслаждением вонзил жало в низ брюха окривевшего врага, а когти - в спину второго.

Однако враги развернулись куда более быстро и ловко, чем можно было ожидать, глядя на волочащиеся по земле концы их бесполезных сейчас крыльев. Отвага Аррадерса едва не стоила ему жизни - клыки рванули его левое плечо, когти оставили длинные кровавые борозды на правом боку... Он чудом вывернулся.

Даже в бытность свою человеком - сильным и храбрым по туранским меркам - Аррадерс, конечно, не мог сравниться и силой и боевой яростью с Конаном; а сейчас вдобавок его собственное тело восставало против него, не желая терпеть боль от "своих", оно кричало и вопило, требуя, чтобы он сдался, пал на колени и запросил бы пощады. И, когда окровавленный, шатающийся Аррадерс отлетел назад и ударился спиной о ствол какого-то дерева, малодушное тело едва не взяло верх. Оно, тело, заставило его обмякнуть, закрыть глаза и завалиться набок. Умом Аррадерс понимал, что это бессмысленно, однако в тот миг плоть оказалась сильнее.

Демоны разом повернулись, словно забыв о его существовании. Злоба в их глазах вновь сменилась блеском пожиравшего их неутолимого голода, терзавшего их, верно, с такой силой, что он даже позабыл о своем враге. Плоть свайоля влекла их гораздо сильнее.

Аррадерс сам долгое время был прислужником Сета; только поэтому он смог понять быструю смену выражения в глазах демонов. Они уже видели беспомощного, неподвижного свайоля, одного из самых близких к границе рощи и со всех ног кинулись к нему, толкаясь, шипя и оставляя на земле длинные борозды от своих когтей.

Только теперь Аррадерс смог, наконец, вновь повелевать своим собственным телом. Он еще не успел разобраться в чувствах, что владели им после того, как он оказался в Роще Свайолей, однако что-то подсказывало ему, что это место способно стать ему настоящим домом, дать приют отверженному уродливому страшилищу, за которым люди и демоны будут охотиться с равным усердием. Это место способно стать ему домом - если оно само уцелеет. И потому Аррадерс был готов сейчас драться за него до последней капли крови.

Он вновь прыгнул. Демоны семенили, почти касаясь боками друг друга, и потому Аррадерсу удалось опуститься прямо им на спину, ударив жалом в основание черепа одному, кривому, и разодрать когтями шею второму.

Брызнула кровь, темная горячая струя из перебитой артерии хлестнула прямо в лицо

Аррадерсу, который в эти мгновения был на самой вершине блаженства. Опьяненному кровью врагов, ему казалось, что он рвет и терзает ненавистную плоть самого Сета, превратившего его в гнусное чудовище; из горла Аррадерса вырывался хриплый клекот, от которого кровь бы заледенела в жилах у любого человека, услышь он эти жуткие звуки; туранец был близок к победе, как никогда.

Однако и демоны оказались не слабого и не робкого десятка. Несмотря на глубокие раны, они не дрогнули, а дружно отпрянули в стороны, так что Аррадерс оказался на земле, и с двух сторон яростно кинулись на него. Свайоль вновь был позабыт.

Длинные, вытянутые вперед челюсти мелькнули перед самым лицом Аррадерса. Он еще успел как-то прикрыться, отпихнуть в сторону тянувшиеся к горлу зубы, как все его существо пронзила острыя боль в боку. Второй, кривой на один глаз демон запустил свои клыки глубоко в беззащитное тело. Как и самих демонов, чешуя Аррадерса не могла защитить его от порождений их общего хозяина, великого Сета...

Мускулы бедер судорожно расправились. Аррадерса отшвырнуло в сторону, он успел подняться, прежде чем демоны вновь впились в него; он даже успел ударить еще раз жалом - однако его отчаянный рывок оставил свайоля беззащитным.

Несмотря на обильно струящуюся из глубоких ран кровь, несмотря на то, что окровавивший демон теперь заметно приволакивал правое крыло и ноги после того, как получил порцию черного яда себе в жилы, враги Аррадерса с прежней прытью ринулись на вожделенную добычу. Удары тяжелых крыльев подняли их в воздух: когти впились в тело свайоля, длинные челюсти начали рвать бледное вытянутое лицо... Громадные глаза мыслящего дерева закрылись, ветви и ствол задрожали в агонии - и по всей роще пронесся беззвучный страшный вопль, вопль предсмертного ужаса непереносимой боли...

Именно этот крик и был услышен всеми свайолями; Отцом-Древом, Айаной, а спустя мгновение об этом узнал и Конан.

Киммериец и дриада сломя голову мчались через рощу. Откуда-то слева донесся знакомый грохот - кто-то из ползунов угодил в ловушку, но сейчас это было уже неважно. Аррадерс был в опасности и погибал свайоль - Конан не мог решить для себя, что главное. Он спасал того, кто сражался рядом с ним, и это было в тот миг едва ли не важнее, чем жизнь всей священной Рощи.

Они бежали на крик. От вонзающейся в сознание дикой боли Аррадерс закричал, уже не в состоянии подняться; бок его был растерзан, разворочен, обнажились кости - однако он был еще жив.

И на сей раз Конану показалось, что Роща Свайолей как будто с готовностью уменьшилась, сжалась под его ногами, чтобы он мог добежать как можно скорее; однако, когда они добежали, было уже поздно.

Тело-ствол свайоля было уже надломлено. Растерзанное в клочья лицо с вырванными из орбит глазами безжизненно свешивалось вниз; а оба демона с отвратительным жадным урчанием пожирали трепещущие ветви, даже не столько пожирали, сколько ломали и крошили в щепки...

По всей роще прокатывались судороги боли. Каждый из свайолей умирал сейчас вместе с терзаемым собратом; дриада тоже содрогалась всем своим существом, когда коготь крылатого демона отыскивал еще живой клочок плоти погибшего свайоля...

Конан с треском проломился через кусты, оказавшись прямо перед гибнущим деревом. За его спиной бурно дышала Айана; в ее руках вновь было легкое копье, невесть каким

образом оказавшееся вырванным из тела раненого демона, которого утащил прочь рыжий ящер.

- А поворотитесь-ка вы лучше сюда, твари! - загремел киммериец, потрясая мечом Гатадеса. Из кулака другой руки свисала сорванная с Аррадерса черная цепь.

Один из демонов лениво обернулся. Он был одноглаз, голова его странно кривилась на сторону, с челюстей стекала странная голубоватая жидкость, которую Конан принял за кровь свайоля.

Айана со стоном вдруг метнула копье - так же, как смертная женщина с подобным же стоном рухнула бы ничком и разразилась рыданиями. Для терзавших свайоля демонов этот бросок не представлял опасности - копье угодило в сук и отклонилось в сторону - однако оно заставило одноглазого расправить крылья и ринуться на дерзкую дриаду, хищно щелкая выпянутой пастью.

Меч киммерийца встретил гнусную тварь еще в воздухе. Ловко увернувшись оттянувшихся к нему длинных лап, снабженных саблевидными когтями, отливавшими зловещей синевой, Конан ударил мечом, держа его словно пику. И демон всей своей тяжестью напоролся на этот смертельный шип, собственным разгоном помогая клинку проникать все глубже и глубже.

Северянин с трудом вырвал оружие из бьющегося на земле тела. В следующую секунду удар крылом сбил его с ног, однако он успел рубануть по длинной и толстой шее чудовища. И тут, хотя этот удар должен был напрочь снести голову страшилищу, судьба неожиданно обернулась против Конана. Меч как-то неудачно упал на чешуйку брони, соскользнул, содрав пласт кожи... и тварь уцелела.

На выручку ему кинулся второй демон. Этот, видя раны собрата, не пытался уже молодецки кидаться на киммерийца с высоты. Он поступил хитрее. Могучие крылья подняли коричневое тело в воздух - и спустя миг демон уже стрелой мчался к земле - на следующего свайоля.

Изыгая проклятия, Конан бросился за ним. Ясно было, что эта тварь способна управиться со всей священной рощей в одиночку - ведь для нежного свайоля хватит и одного-двух ударов когтями в лицо; так неужели же все труды защитников пошли насмарку?!

Конану оставалось только одно - раздразнить этого демона до такой степени, чтобы тот и думать забыл об истреблении свайолей, чтобы единственной целью существования этой твари стала бы смерть его, Конана; а ведь нельзя было забывать и еще о двух ползунах, медленно, но верно приближавшихся к середине рощи...

Аррадерс застонал и с трудом пошевелился. Бок болел невыносимо, однако вложенная в свое творение Сетом сила брала свое - кровь запеклась, образовав не плотную корку, как у людей, которая бы тотчас растрескалась, но гибкий и плотный покров, наподобие смолы. Он мог ходить, а главное - он мог прыгать. Тяжело раненный киммерийцем одноглазый демон бился в судорогах на земле, извергая кровавую пену. Похоже было, что он уже находился в агонии; двигаться, по крайней мере, он как будто бы уже не мог, и Аррадерс решил не тратить на него времени. Он должен был помочь Конану - тот все равно не смог бы справиться с летучим чудовищем, если оно сдуру не полезет прямо на него...

Словно дразня Конана, крылатый демон летел все дальше и дальше, словно зная, что именно в роще ее защитники станут обороняться до последнего дыхания. Тварь Сета явно нацеливалась на Отца-Древо.

Конан мчался так, что ветер свистел в ушах, ни на миг не теряя из виду своего врага. Тот

качнул было крыльями, словно собираясь низринуться на одного из свайолей, заставил метнуться в сторону и Конана - но выровнял полет, а потерявший драгоценные мгновения киммериец не мог для сбережения дыхания даже разразиться облегчающей душу бранью...

И все же к Древу-Отцу все трое добрались почти одновременно. Демон, правда, чуть опередил, однако ему пришлось тратить время на поворот и на то, чтобы набрать высоту, именно эти секунды и использовали Конан с Аррадерсом.

Киммериец стремительно и ловко взлетел вверх по голому стволу Отца. Отчего-то он был уверен в тот миг, что Праородитель свайолей не рассердится на него за это святотатство. И точно - когда Конан оказался рядом с благообразным лицом Старейшего, бездонные глаза взглянули на него с теплотой и благодарностью. Крылатый демон, развернувшись и выставив когти, уже собирался полоснуть по боковым ветвям кроны, как снизу внезапно вынеслась в высоком прыжке фигура Аррадерса. Два порождения Сета сплелись; когти одного впились в плоть другого; изгибаясь, яростно хлестал врага хвост Аррадерса, и ядовитое жало всякий раз глубоко погружалось в тело.

Киммериец застыл в развилке, держа наготове меч; однако демону сейчас было явно не до него. Аррадерс вцепился в него мертвой хваткой, пытаясь дотянуться зубами до горла врага; тварь неуверенно и редко взмахивала отяжелевшими крыльями, с трудом удерживаясь в воздухе...

Однако и товарищу Конана пришлось несладко. Когти-крючья на лапах и сгибах крыльев рвали его бока и спину; клыки и зубы терзали плечи, тщась перекусить шею; Конан мог только бессильно взирать, как тело Аррадерса стремительно покрывается темными кровавыми пятнами...

Аррадерс слабел; его рваная рана на боку вновь открылась. В ярости Конан метнул во врага висевший на поясе короткий нож, но немудреное изделие Шадизарского кузнеца лишь со звоном отлетело от непробиваемой чешуи. Демон не обратил на это внимания, он намеревался покончить с более опасным, как ему тогда показалось, врагом...

Тварь с повисшим на ней Аррадерсом медленно кружила вокруг Отца-Древа. Конан застыл в напряженной готовности; он уже подумывал о том, не использовать ли в качестве метательного оружия лист Старейшего свайоля, столь недурно послуживший ему для ловушек, как демон сделал одно неверное движение крыльями, оказавшись на мгновение совсем близко от вершины Отца-Древа.

И тогда Конан прыгнул.

Это было чистой воды безумие. Расстояние превышало четырнадцать футов, гладкая спина чудовища вся блестела от крови, удержаться на ней было бы почти невозможно - однако Конан рискнул.

Мощные мускулы ног не подвели молодого киммерийца, привыкшего у себя на родине совершать поистине головокружительные прыжки по горным кручам. Он упал грудью на опускавшееся крыло, пальцы, скользя по залитым кровью пластинам спинного панциря, все же нашупали зацепку - и тогда зажатой в кулаке левой руки черной цепью, бывшим ошейником Аррадерса, Конан со всей силы хлестнул демона по плоской змеиной голове.

Тварь издала истошный визгливый вопль. Из пасти волной выплеснулась кровь; крылья опустились и демон камнем рухнул вниз, подмяв под себя оказавшегося внизу Аррадерса.

Конан не удержался, все-таки скатившись по покатой спине чудовища; вскочив на ноги, он вновь замахнулся цепью, однако когтистое крыло опередило его. Левое запястье оказалось разодранным, остатки ошейника выпали из разжавшейся от боли ладони; но,

несмотря на адскую боль и упывающее сознание, Конан все же ударил еще раз - на сей раз мечом Гатадеса - по толстой змеиной шее.

Теперь клинок не подвел. Мгновение - и из короткого обрубка фонтаном брызнула кровь из перебитых жил. Уродливая голова упала к ногам киммерийца, однако челюсти еще успели в последний раз сомкнуться у него на ступне.

Киммериец со звучным проклятием рассек жуткий живой капкан. Тело обезглавленного демона еще дергалось, крылья еще скребли землю, точно оно пыталось взлететь, жизнь упорно не желала покидать это тело, пока Конан не додумался перерубить цепь черного ошейника. И, стоило ему сделать это, как дергающаяся в разные стороны обрубленная шея рухнула наземь, крылья распластались, по туще прошла последняя судорога и демон замер окончательно.

Так их и застала Айана, опоздавшая всего на несколько мгновений - весь бой у Отца-Древа едва ли занял более полминуты. Она увидела бессильно привалившегося спиной к стволу Старейшего свайоля Конана, с рассеченным запястьем и кровоточащей правой ступней, на которой ясно были видны следы многочисленных зубов, а рядом с ним - полумертвого Аррадерса, которого киммериец сумел вытянуть из-под мертвого тела чудовища, однако помочь ему уже ничем не мог, ибо и сам едва-едва не терял сознания...

Айана в ужасе всплеснула руками и с отчаянием взглянула на Старейшего. И, словно отвечая ей, ветви мыслящего дерева дрогнули, раздвинулись, и по серебристым листьям вниз стекло несколько пригоршней прозрачной голубоватой жидкости, источавшей слабый пряный запах.

- Отец... - благоговейно прошептала дриада, низко кланяясь патриарху свайолей. Бережно, стараясь не расплескать ни капли, Айана поднесла сложенные лодочкой ладони к рту Конана.

- Не... меня, сперва... его, - с усилием выговорил киммериец.

- Пей, пей, пей, - вместо ответа как завороженная шептала дриада, и Конан повиновался.

Питье оказалось терпким и теплым; от него тотчас угасла боль и кровь перестала течь. Конан с недоуменным выражением на лице поднялся - только что он лежал полумертвый, а теперь - снова готов к бою!

- Ты выпил крови Отца-Древа... - полуслепотом, торжественно произнесла Айана. - На моей памяти ни разу не вскрывал Он своих жил, чтобы спасти кого-то, ибо еще десяток таких горстей, и с жизнью простится сам Отец...

Киммериец помедлил, а потом с почтением поклонился Древу. Его листва распахнулась, словно плащ, и глаза Старейшего взглянули на киммерийца с такими нежностью и теплотой, что молодой воин даже смущился.

Волшебного питья дали и Аррадерсу, однако тот так и не пришел в сознание. Айана, осмотрев его, заявила, что хотя опасности теперь и нет, очнется он еще не скоро.

- Что нам теперь делать, Конан?

- Как что?! У нас еще двое ползунов! Киммериец поудобнее перехватил меч, заменил - для верности - ошейник Аррадерса на черную цепь с шеи убитого демона, куда более внушительного вида - и они вместе с Айаной двинулись туда, где что-то ворчало, трещало, хрюпало и ворочалось.

Ползунов они отыскали быстро. Хатар и его собрат ползли футах в двадцати друг от друга. В спине Хатара Конан увидел несколько вонзившихся своих гребней, однако зверь

Сета, похоже, не обращал на это никакого внимания. Он был слишком занят своим делом - ломал, крошил, вырывал из земли и давил все, что попалось ему на пути. Обе твари оставляли за собой полосу мертвей черной земли, но, по счастью, на их пути пока не попалось ни одного свайоля - правда, до первого им осталось лишь какие-то полсотни футов.

- Помни, Хатар плюется ядом! - предупредил Айану Конан, и как раз вовремя - пасть чудовища открылась, длинный язык метнулся вперед, и желтоватая струйка яда пронеслась над плечом дриады. Если бы не рывок Конана, плевок чудовища угодил бы в цель.

После пригоршни Крови Патриарха силы, казалось, прямо-таки распирали Конана. Киммериец уже забыл и думать о только что полученных ранах. Извивающаяся, покрытая слизью тварь вызвала настоящий взрыв самого неистового омерзения, омерзения, истоки которого исходили - хотя Конан и не знал об этом - от Легендарного короля Кулла, властителя Валузии, возглавившего борьбу человеческого рода с расой змеелюдей...

Дриаде показалось, что среди зарослей по земле к демону метнулся какой-то невиданный, катящийся колесом зверь. Руки и ноги киммерийца слились в стремительном движении; он сам не знал, как ему пришло подобное в голову, но, так или иначе, причудливо перекувырнувшись шесть или семь раз то через голову, то через бедро, то через руку, северянин счастливо избег и второго плевка, и разом развернувшихся к нему многочисленных щупалец - и меч Гатадеса прочертил длинную кровавую отметину чуть ниже громадного фасеточного глаза, в котором даже теперь не исчезло выражение жуткого, неутолимого голода, что терзал его обладателя.

На помощь Хатару поспешил его собрат. Конан услыхал за спиной тяжелый скрежет, сиплое сопение, - затем дико вскрикнула Айана, предупреждая его об опасности. Киммериец вскочил на ноги; ему оставалось не более одного мгновения, и он использовал его сполна. Клинок рассек один из двух выпученных глаз второго ползуна; под ноги северянину хлынула липкая и густая слизь.

И тут откуда-то из-за пределов рощи донеслось мощное, хоть и гнусавое, завывание, словно какие-то громадные рога трубили сигнал многочисленному воинству. Ползуны разом остановились. Тот, у которого меч Конана разрушил глаз, бился и корчился, сокрушая мощными извивами тела окрестные деревца; Хатар же вновь высунул свой страшный трубчатый язык, и киммерийцу пришлось искать спасения в бегстве.

Очевидно, тот, кто командовал натиском на рощу, решил, что на сегодня хватит потерь. Оказавшись на безопасном расстоянии, киммериец оглянулся над деревьями, подобно башне, возвышался рыжий ящер. Вожак скликнул свою свору. Ползуны отступали медленно и с достоинством. Хатар прикрывал их отход; Конан попытался было повторить свой дерзкий рейд, но плюющаяся ядом тварь оказалась начеку и северянина спасло только чудо - внезапный порыв ветра и очень кстати опустившаяся ветка, о которую разбилась смертоносная струйка.

После этого Конан решил было, что с него тоже хватит. Как-то сразу, внезапно, навалилась усталость, заныли вновь раны, едва затянувшиеся от действия выпитого им магического напитка. Вдобавок Хатар отползл точно по проложенной им же до этого просеке, ни на миг не теряя бдительность.

Но на ползуна можно было бы прыгнуть сверху, стараясь поразить мечом голову... Не желая упускать шанса, киммериец пустился вдогонку за отползающими чудовищами.

И тут оказалось, что рыжий ящер обладает куда более острым зрением, чем можно было бы подумать. Громада огненно-красной туши легко двинулась наперерез Конану; и

киммериец вновь поразился удивительным глазам этой твари - они казались совершенно человеческими, только сильно увеличенными...

Тварь очень быстро оказалась на пути северянина. Четыре мощные кривые лапы выразительно нависали над кронами деревьев; казалось, ящер обладает способностью видеть даже сквозь листву, он играючи прослеживал любое передвижение варвара. Однако, стоило Конану, сплюнув в досаде, отступить в глубь рощи, как подался ближе к ее краю и сам ящер.

- Пусть они уходят, Конан, - услышал киммериец голос Айаны. Дриада подошла незаметно, он даже и не услышал легких ее шагов - совершенно непростительный промах для воина...

- Я чувствую, Богам угодно, чтобы битва продолжилась бы завтра, - тихо произнесла она, легонько прижимаясь к могучему плечу Конана. - Твари Сета отступают, и я ощущаю, что они отступают в страхе и растерянности. Еще никто и никогда не мог нанести им такого урона, какой нанес им сегодня ты...

- Какой нанесли им сегодня мы, - налегая на последнее "мы", хмуро буркнул Конан. - Если бы не Аррадерс...

Надо было хорошо знать гордого и заносчивого киммерийца, чтобы оценить эти его слова.

- Он, к несчастью, едва ли сможет скоро подняться на ноги, - покачала головой дриада, не переставая прижиматься к киммерийцу. - Его раны... они очень тяжелые. Завтра нам предстоит сражаться без него.

- Ты так уверена, что они не нападут ночью? Айана покачала головой.

- Отец-Древо следил за битвой, твари Сета сильно потрепаны, один из демонов убит... Они будут эту ночь залезывать раны. Отдохни, Конан. У нас еще немало времени...

- Которое надо потратить на то, чтобы заново построить ловушки, докончил киммериец, словно бы не замечая мимолетной гримасы разочарования на лице дриады. - Давай, доставай свою флейту...

Глава 9.

Киммерийцу показалось, что бой со страшилищами Сета длился долгие часы, хотя на самом деле едва ли минуло более одного. Солнце только еще двигалось к зениту; впереди был весь день. Твари Тьмы и в самом деле отступили; их нигде не было видно.

Конан и Айана, засучив рукава, взялись за работу. Предстояло поднять обратно камни, обновить шипы на спрятанных гребнях, поправить разбитые рамы. И, конечно, не покладая рук множить число ловушек, добавляя к уже существующим все новые и новые. Прошедший бой показал, что без них Рощу Свайолей ждала бы быстрая гибель.

- И все-таки я не понимаю, - говорил киммериец Айане. - Я разрубил ошейник на Аррадерсе - и он вновь стал самим собой, пусть и в чужом, уродливом теле; а когда мне удалось то же с этой жуткой тварью... ну, той, что с серпом на макушке - то ничего не произошло. Я, признаться, теперь и ума не приложу, что делать с этими тварями... если они двинутся всем скопом... - он озабоченно покрутил головой.

- Я думаю, сила Сета в этих созданиях настолько велика, что даже исчезновение символа его могущества не может ничего изменить, - предположила Айана.

- Нет, тут дело в другом, - киммериец грыз костяшки пальцев. - Я чувствую, тут что-то не так! Будь власть Сета так велика - зачем вообще эти черные цепи? Это ведь не украшения. Меня мороз продирал, когда я оказался рядом с той тварью, когда эта цепь была на ней! И потом - ведь этот ящер зачем-то выволок раненого демона, хотя тот еще мог сражаться... А сам этот рыжий отчего-то медлил... - Конан сплюнул с досады. Понять что-либоказалось невозможным.

Он продолжал работать, стараясь хоть этим заглушить возрастающую тревогу. Аррадерс был потерян. Враг знал теперь, какие ловушки ожидают его, и наверняка постараится что-то придумать в ответ - Конан не сомневался, что имеет дело не с тупыми чудовищами, а с истинными демонами Тьмы, хитрыми, коварными и безжалостными... Киммериец прекрасно понимал, что в одиночку ему не остановить страшную пятерку, путь даже трое в ней и выйдут в бой несколько подпорченными. Этот ящер... Он, пожалуй, и один способен многое тут натворить. Этот голодный взгляд... - северянин даже поежился.

Голодный взгляд... Голодный взгляд? Стоп! Конан с размахом хлопнул себя ладонью по лбу. Как он мог не додуматься до этого раньше? Они же зверски голодны, эти демоны, и потому - руби на них ошейник или не руби - они будут видеть перед собой рощу и рваться к ней, невзирая ни на какие преграды. Интересно, а нельзя ли заставить их жрать что-нибудь другое - лучше всего, конечно, друг друга, и сойдет ли просто соседний лес?

- Ты, конечно, прав, Конан, - сказала Айана, выслушав речь северянина. - Позор мне, что я не смогла догадаться до этого сама! Но... вот как сделать так, чтобы они сочли бы свайолей несъедобными - ума не приложу!

Конан долго молчал, в сердцах тиская свой сыромятный ремень. Можно, конечно, выскочить из рощи и улечь чудовищ за собой к другому лесу... но если та крылатая тварь все еще может летать, то ему, Конану, придется на открытом месте совсем тупо. А что, если за ним погонится только один демон, в то время как остальные преследуют разделяются и с рощей и... с Айаной?

Так ничего и не придумав, киммериец вместе с дриадой отправился к Отцу-Древу.

Аррадерс лежал по-прежнему бледный и неподвижный; дышал он тяжело и редко, из груди при этом вырывался какой-то подозрительный хрип пополам с бульканьем. Нечего было и надеяться, что к завтрашнему дню он будет готов для боя.

- Не казни себя, Конан, - тихо молвила дриада, когда северянин, мрачнее тучи, принялся за поданную ею трапезу. - Ты сделал куда больше, чем любой другой человек смог бы...

- Меня это не волнует! - зарычал Конан. - Я сделаю то, за что взялся или Кром презрительно плюнет мне в лицо, когда я предстану перед ним с тем, чтобы дать ответ на его вопрос - достоин ли я был пращура нашего племени?

- От черных твоих мыслей вокруг нас светлее не станет, - словно не слыша его последних слов, продолжала дриада. - Зачем без толку изводить себя? Даже если нам с тобой отпущен только один-единственный день и одна-единственная ночь, проживем их так, чтобы было что вспомнить, даже стоя перед престолами Высоких Богов!

Легкая, теплая рука, чуть касаясь, прошлась по бугрящимся мышцам предплечья Конана.

- Отец-Древо будет следить за каждым шагом тварей Сета, - тихо журчал голос дриады, словно чистый лесной ключ под сенью вековых дубов. - Он предупредит нас... Конан...

Трепещущие губы, нежные руки, сияющие удивительные глаза... Как не походило все это на затасканные ужимки шадизарских и аренджунских шлюх, с которыми только и имел дело в ту пору Конан! Он видел поднявшуюся от волнения великолепную грудь; разалевшиеся в предчувствии небывалого щеки; дивный, невиданный еще киммерийцем блеск в глазах - этой женщине были нужны не его деньги, а он сам, и не потому, что он продлил на один день существование заповедной рощи - ведь очень возможно, что им осталось жить всего одни сутки; и не потому, что теперь было уже все равно и оставалось только пуститься напоследок во все тяжкие - нет, в памяти киммерийца ясно встали таверна Абулетеса, грязные столы с вечно пьяным сбродом за ними - и глаза дриады, устремленные на него, сверкавшие, словно два изумруда. Два изумруда в абулетесовской навозной куче... Как она тогда смотрела на него?

Руки и губы дриады тянулись и тянулись к нему. Тихо шелестел кроной Патриарх, словно нашептывая что-то нежное, ласковое. И иные чувства, а вовсе не похоть, властно подняли легонькое тело дриады могучими руками киммерийца и понесли в заросли, на мягкий ковер душистых, ароматных трав... Роскошный плащ черных волос распахнулся, хитон словно бы сам собой оказался сброшен, и нагое трепещущее тело прижалось к мощной и широкой груди северного варвара.

Когда они пришли в себя, солнце уже садилось. Наступал тихий, покойный вечер, и все случившееся сегодняшним утром стало казаться просто дурным сном, быстротечным ночным кошмаром...

Глаза Айаны сияли, словно два горящих огнем изумруда.

- Я надеюсь, что это будет мальчик, - нараспев произнесла она.

- Что-что? - Конан не сразу понял, о чем речь. - Ты хочешь... ребенка?

- Что ж тут странного? - дриада блаженно зажмурилась. - Кто же из нас не хотела бы стать матерью воина, чьим отцом был бы самый великий воитель нашего жестокого времени? Я надеюсь, что это будет мальчик, - вновь повторила она. - Я буду рассказывать ему о тебе и он станет гордиться своим великим отцом; быть может, настанет час, и он придет к тебе... а может, судьба и не сведет вас вместе, не знаю.

- Ты так говоришь... будто мы уже пережили завтрашний день, - криво усмехнулся Конан. Он впервые в жизни имел дело с девственницей, и ему до сих пор было как-то не по

себе.

- Мы победим, я знаю, - очень серьезно, без тени сомнения произнесла Айана. - Ты найдешь способ. Не может быть сомнения.

- Потом хвалиться будем, - проворчал киммериец. Пока они ужинали, как могли, пользовали раненого Аррадерса и ходили на разведку к краю рощи, наступила ночь. Неумолчно тарахтели и стрекотали беспечные цикады, над кронами деревьев вновь замелькали тени ночных птиц. Свайоли стояли беззвучно; ни одно лицо не было поднято к звездам - они медленно пели долгий, неслышный для смертных гимн своему погибшему собрату.

- Почему эти твари не нападут ночью? - недоуменно пробормотал киммериец. - Будь я на месте этого рыжего крокодила-переростка, нипочем не упустил бы такой возможности! Ночь - это же ведь их время!

- И тем не менее они после заката ни разу не нападали, - отозвалась дриада. - Всегда на рассвете и только на рассвете.

- Кто-то из них не видит в темноте... - задумчиво проронил Конан. - Да, с такими гляделками, как у этих ползунов, что днем, что ночью - никакой разницы; а вот этот рыжий ящер... Что-то непохоже, чтобы он мог видеть в темноте, как кошка. Уж больно глаза на человеческие смахивают.

- Не ломай сейчас голову, Конан, - мягко промолвила Айана. - Положись на Судьбу - хотя вы, киммерийцы, и не верите в нее... Утро вечера мудренее. Пойдем! Я не хочу терять ни одной минутки. Старейший даст нам знать. Пойдем же!

Эту ночь киммериец запомнил надолго.

Рассветный луч скользнул по лицу Конана, и северянин тотчас пробудился. Айана сладко спала, совсем по-детски подложив ладошку под щеку. Однако Конану казалось, что далекий и суровый голос постоянно взывает к нему, что в его сознании звучит однозначное слово: "Враг!"

Вскочить, натянуть одежду, опоясаться мечом да плеснуть себе в лицо пригоршню воды было делом одной минуты. Айана, основательно умаявшись за ночь, так и не проснулась. Патриарх свайолей повел киммерийца через рощу, поправляя его, когда он забирал слишком сильно вправо или влево.

На краю зарослей Конан остановился. Древо-Отец поднял тревогу не напрасно - твари Сета вновь двигались к священной Роще.

Сегодня их было пятеро. И было видно, насколько недешево дался им вчерашний бой. Бодро шагал один только рыжий ящер, да зверь Хатар полз уверенно и мощно. Крылатый демон летел медленно и низко, крылья его поднимались и опускались с явным трудом; второй ползун, которому Конан рассек мечом глаз, тащился позади и, будь эта тварь человеком, киммериец не преминул бы сказать, что, мол, идет он ровно на эшафот. Многоногая же тварь с костяным серпом на голове тащилась и совсем еле-еле, припадая на один бок; половина ее клешней и щупалец по-прежнему висела безжизненно.

При виде этого изрядно потрепанного воинства Конан не мог удержать злорадной ухмылки. Все-таки они им изрядно врезали!

Вскоре стало ясно, что чудовища изменили тактику. Они построились узким и острым клином; в его вершине шел рыжий ящер. Слева от него и чуть сзади извивался зверь Хатар; на одной линии с ним мерно взмахивал крыльями летучий демон. Третью линию боевого порядка составляли пострадавшие больше других второй ползун и многоножка.

Звери Сета решили идти на прорыв в одном месте, решив таким образом избегнуть многочисленных ловушек. План их был прост и понятен - вперед они пустили ящера, который меньше всех, похоже, опасался ловушек и самострелов Конана. И это значило, что волей-неволей киммерийцу приходилось первым встретиться именно с этим огненно-рыжим демоном, самым опасным из всей шестерки. Ящер двигался уверенно и мощно. В каждом его шаге чувствовалась исполинская сила; под гладкой броней перекатывались вздутия громадных мышц. На фоне светлого оранжевого тела резко выделялся черный ошейник.

Конан закусил губу. Что делать? Если на этот раз твари навалятся на него всем скопом, не поможет уже ничто. Эх, уложить бы крылатого... тогда, быть может, и удалось бы увести остальных за собой, прочь от Роши Свайолей.

Взгляд Конана напряженно ощупывал величественную фигуру громадного ящера - киммериец отыскивал слабые места в роговых доспехах врага. Брюхо с его мягкими желтоватыми валиками морщинистой кожи казалось весьма привлекательным... но уж слишком бросается в глаза. Нет, вряд ли Сет настолько глуп, чтобы творить себе слугу, уязвимое место которого расположено таким образом, чтобы человеку с мечом было бы удобнее до него добраться. Стоп! А что это у нас там такое на глотке?!

Под черным ошейником ящера Конан разглядел перекатывающийся зоб; роговая чешуя там была совсем мелкой и тонкой. Если уж меч Гатадеса рубил панцирь ящера и там, где он был самым толстым и прочным... то как знать, быть может, все можно будет разрешить одним точным ударом в горло?!

Звери Сета подходили все ближе и ближе; киммериец ловко, точно леопард, вскарабкался на дерево. Оставалось надеяться только на то, что тварь подойдет достаточно близко, но так, что Конан успеет дотянуться до нее прежде, чем она сама дотянется до него.

Конан взбирался все выше и выше, до тех пор, пока ветви не начали гнуться под его тяжестью. Ящер был очень высок, но и выбранный северянином платан - один из немногих в роще - не уступал в росте чудовищу. Конан извлек на свет клинок Гатадеса и приготовился...

Крылатый демон заметил его первым. Издавая дикий и злобный клекот, тварь закружилась вокруг платана, не подлетая, однако, слишком близко и не пытаясь нападать. Весь строй демонов, как по команде, развернулся и двинулся к дереву.

Конан сжался в комок. Если у этих тварей хватит ума окружить его со всех сторон... дело станет совсем скверным.

Однако крылатый демон, покружив некоторое время вокруг Конана, вернулся к своему месту в строю; ящер теперь шел прямо на Конана, неотрывно глядя в лицо киммерийцу своими странными глазами, так похожими на человеческие...

"Кром, сделай так, чтобы Айана оказалась где-нибудь подальше от этого места", - вдруг горячо взмолился Конан, обращаясь к своему суровому покровителю. Сама мысль о том, что нежная и ласковая, стыдливая и робкая дриада станет добычей этих кошмарных чудовищ, заставляла сердце биться вдвое быстрее, а руки - еще крепче сжимать рукоять клинка.

Ящер приближался. На сей раз он не собирался ждать. Вожак стаи Великого Змея должен был сам сразиться с дерзким противником, подобного которому еще ни разу не встречала выпестованная Сетом свора.

Ящер шагал, не обращая внимания на приводные бечевы ловушек. Вот сработала одна из них, утыканной шипами гребень воткнулся в мягкое брюхо предводителя стаи - демон лишь издал короткий рык, выдернул занозу, отбросил в сторону и зашагал дальше. Вот, как и в прошлый раз, он сорвал колышек, удерживавший натянутую тетиву самострела - но короткий

и толстый дротик бессильно отскочил от нагрудной чешуи чудовища.

Конан скрипнул зубами от досады. Не будь эти твари так глупы, они бы уже сейчас смогли расправиться со всей рощей! Оставить под платаном рыжего ящера - и готово дело...

Однако настолько хитроумные планы, похоже, были слишком сложны для небогатого умом демона. Рыжий вожак пер прямо на укрывшее Конана дерево, и киммерийцу казалось, что он ощущает дрожь, пробежавшую по стволу платана...

Не доходя двух десятков футов до дерева, ящер остановился. Глаза его взирали на Конана с откровенной и плотоядной усмешкой; от источаемого им зловония у киммерийца едва не началась рвота. Зверь Великого Змея заранее торжествовал победу. Что может против него, столь могучего и необорного, какой-то ничтожный человечек, пусть даже и с зачарованным мечом? Достаточно протянуть одну из усаженных когтями лап...

Отливавшие синевой когти вытянулись к Конану, нещадно ломая ветви и сучья несчастного платана. Громадные, точно настоящие турецкие сабли, клинки эти были способны растерзать человека в несколько мгновений; и, когда оставалось не более одного фута, киммериец внезапно прыгнул, как сутки тому назад прыгал с самого Старейшего на спину крылатого демона.

Тело Конана с силой пробило сплетение ветвей. Руки киммерийца крепко вцепились в сустав одной из лап ящера и прежде, чем страшные когти обхватили его, Конан резко подтянулся и, почти лежа на предплечье ящера, что есть силы выбросил вперед меч Гатадеса.

Северянин целился в пульсирующий надувающийся пузырем зоб на горле ящера, однако тот уже начинал двигаться, стараясь поспеть за стремительным рывком киммерийца - и меч угодил не в открытое горло демона, а в толстую черную цепь ошейника, куда, как убедился Конан на примере многоножки, бить было совершенно бессмысленно...

Клинок, казалось, на миг окутался призрачным пламенем. Острье его врезалось в черный металл ошейника, посыпалась искры - но удар северянина был настолько силен, что цепь не выдержала, одно из звеньев лопнуло и ошейник невиданной гремучей змеей соскользнул вниз, под ноги ящеру.

- Кром! ! - вырвался вопль Конана. Он уже чувствовал, как сверху на него опускаются сразу две когтистые лапы, времени нанести второй удар не оставалось, его стискивали... отрывали... тащили куда-то вверх, к усаженной коричневыми подгнившими зубами пасти, откуда исходил самый сильный смрад...

И тут сжимавшая его поперек тела жесткая чешуйчатая лапа внезапно разжалась. Конан камнем полетел вниз, насили ухитившись замедлить падение, хватаясь за ветки платана.

С демоном же творилось что-то непонятное. Сперва он замер, словно пораженный молнией; затем вдруг завертелся на месте, растопырил все четыре верхних лапы в разные стороны. Голова чудовища задралась, из глотки вырвался долгий ужасный рев, а затем Конану вдруг показалось, что он разбирает в этом реве слова, отрывистые и бессвязные:

- Где?.. Кто?! Рвать?! Цепь! Цепь! !!

"Кром всемогущий, - мелькнуло в голове киммерийца, - да уж не окажется ли тут как с Аррадерсом?!"

Конан лежал на земле, с трудом приходя в себя после падения с высоты. Пальцы правой руки по-прежнему сжимали меч; однако в тот миг он даже не думал об оружии или об окружавших его демонах. Взгляд его был без остатка прикован к дергающемуся и воющему рыжему ящеру; того корчило словно в агонии, из пасти хлопьями летела пена, мощные нижние лапы и толстый хвост взрывали землю; казалось, чудовище уже ничего не видит

вокруг.

И тут началось нечто совсем уж непонятное. Остальные четверо демонов некоторое время смотрели на происходящее совершенно равнодушно и безучастно; однако, когда хвост рыжего ящера случайно задел и отбросил далеко в сторону разорванный ошейник, что валялся подле его ног на земле, поведение четырех других тварей Сета внезапно изменилось. Они вдруг резко и враждебно заворчали, словно бродячие псы, ссорящиеся из-за кости; головы их пригнулись, пасти раскрылись, обнажая готовые к бою клыки; Хатар вновь выпростал свой трубчатый язык.

Рыжий ящер как будто бы почуял неладное. Он внезапно перестал вертеться и сотрясатьрыком окрестности; в наступившей тишине он медленно наклонил голову и обвел взглядом своих недавних подручных. Взгляд этот упал и на Конана; ошибиться было невозможно, это был человеческий взгляд и он предлагал встать рядом, плечом к плечу для последнего боя!

Киммериец еще успел подняться на ноги, когда четверо демонов разом бросились на них, а Хатар вдобавок и плонул ядом, метя при этом не в северянина, а в своего недавнего предводителя.

Рыжий ящер с неожиданной ловкостью и грацией, непредставимой для его грузного тела, успел отклониться чуть в сторону, и струя яда пронеслась мимо.

Первой дерзнула броситься на бывшего вожака, как ни странно, серьезно раненная Конаном во вчерашнем бою многоножка. Костяной серп на голове с неожиданной ловкостью мотнулся из стороны в сторону, совершая какие-то обманные движения, и ударил в низ груди ящера, да так, что тот аж покачнулся. Этим немедленно воспользовались второй ползун и крылатый демон. Они разом бросились с обеих сторон, норовя вцепиться в ноги и повалить вожака. Позади них пыжился и тужился Хатар, явно собираясь плонуть ядом вторично.

Конан вскочил на ноги. Конечно, самое разумное было бы повернуться и постараться как можно скорее унести отсюда ноги, предоставив этим тварям пожирать друг друга, однако киммериец чувствовал, что все случившееся - не следствие охватившего вожака безумия. Нет, просто черная цепь на рыжем ящере значила нечто иное, чем на многоножке; он явно переставал быть слугой Великого Сета, он обретал свободу, хотя и не во всем подобную свободу, как это происходило с Аррадерсом. И Конан никак не мог бросить этого ящера, в чьей речи внезапно прорезались человеческие слова, одного против четырех врагов.

Кольцо вокруг рыжего вожака не успело сомкнуться. Сам ящер с яростным ревом, который, однако, уже очень сильно походил на человеческий голос, бросился на серпоголового многонога. Одноглазый ползун оказался между ящером и Хатаром; Конан же оказался на пути у крылатого демона.

Меч Гатадеса со свистом очертил в воздухе сверкающее полукружье. Краем глаза не переставая следить за плюющимся ползуном Хатаром, киммериец опутал блистающей сетью выпадов своего противника, целясь тому в глаза единственное по-настоящему уязвимое место у этих слуг Сета; северянин пригибался, уворачивался, приседал, подпрыгивал, забыв и думать о бережном расходовании сил, и страшные когти летучей твари ни разу не задели его.

Зато меч Конана щедро крошил тело демона. Раз, и другой, и третий сияющее лезвие оставляло длинные кровавые росчерки на темно-коричневой плоти. И без того плохо повиновавшиеся демону крылья окончательно обвисли; из нескольких глубоких ран на груди толчками выбивалась кровь.

Конан не имел даже доли секунды на то, чтобы обернуться; из-за его спины доносился сотрясающий деревья рев. Демоны сошлись в смертельной схватке. Ящер запустил когти всех

своих четырех лап в спину и шею многоножки, длинный хвост его, не переставая, хлестал во все стороны, не давая одноглазому ползуну приблизиться достаточно близко. И вместе с тем ящер обнаружил удивительное проворство - даром пропали уже два ядовитых плевка. Хатар явно осторожничал, держась в отдалении от разбушевавшегося вожака и не выказывая стремления сойтись в честном ближнем бою.

Из спины многоногого демона летели целые веера темно-багровых брызг артерии были перебиты, кровь щедро хлестала по бокам, бесчисленными ручейками сбегая на землю; глаза страшилища были выкачены в муке, но, несмотря ни на что, демон продолжал сражаться. Клешни и щупальца действовали у него только справа; ящер изо всех сил пытался отгородиться от них телом своего противника, однако это удавалось ему далеко не всегда, и вот сразу две клешни многоногого существа впились в оранжевую броню четверорукого гиганта, проломили ее, вырвав из брюха несколько окровавленных кусков мяса.

При виде этого осмелел и одноглазый ползун; хвост ящера в очередной раз врезался в землю рядом с мордой извивающегося демона, и тот решил, что настало его время. Даже зверь Хатар отбросил осторожность и, на ходу целясь своим трубчатым языком, устремился следом за собратом.

Рыжий ящер оглянулся, не выпуская многоножку из своих смертельных объятий; Конан в этот момент тоже обернулся - его демон, наконец, отпрыгнул достаточно далеко назад - и его глаза встретились на краткий миг с глазами рыжего ящера.

Конан смотрел в человеческие, подернутые болью и горящие гневом, но совершенно человеческие глаза. Казалось, этот взгляд говорил: "Ничего, приятель! Ты справа, я слева - мы с тобой тут год простоям!", несмотря на то, что трава под ногами рыжего ящера уже окрасилась и его собственной кровью, а не только кровью его врагов.

Конечно, - киммерийцу не удалось бы так лихо обрабатывать противостоящего ему демона, не будь тот изранен Аррадерсом в предшествовавшем бою. Наконец клинок Конана сильно надрубил основание левого крыла; демон с жалобным визгом шлепнулся брюхом о землю.

И тут к киммерийцу повернулась круглая отвратительная башка Хатара. Ползун собирался извергнуть свой запас яда в ящера, но, верно, в визге грохнувшегося вниз демона прозвучал отчаянный призыв о помощи, и Хатар решил помочь.

Тем временем демон с костяным серпом окончательно обмяк и когти рыжего ящера разжалась. Изорванное, окровавленное тело бесформенной грудой повалилось; и тут в дело, наконец, вступили ползуны. И, хотя Хатар вновь промахнулся, киммериец быстро пригнулся, услышав знакомое шипение - клыки и щупальца ползуна оказались куда как опасны.

Метко ударивший хвост ящера распорол броню на боку одноглазого демона, однако метнувшиеся десятки щупалец оплели одну из четырех когтистых лап, немилосердно ее выкручивая.

Послышался жуткий хруст: Хатар впился зубами в бедро ящера.

Из глотки рыжего гиганта вырвался отчаянный крик. Это была просьба о помощи, самая отчаянная просьба, какую когда-либо на смертном поле доводилось слышать Конану - потому что просившему грозило нечто куда более худшее, чем смерть.

Казалось, ползуны напрочь забыли о Конане. Ящеру уже не удавалось удерживать их на почтительном расстоянии, они вцепились в гиганта, оплетая его тело десятками и десятками гибких, но очень сильных щупалец. Очевидно, до тупого умишки Хатара наконец дошло, что нечего тратить силы и время на ловкого и подвижного киммерийца; нужно покончить с

рыжим ящером; в такую громаду в несколько футов при всем желании невозможно...

Противник Конана издал жалобное курлыканье. Ящер и ползуны сплелись в один ревущий, рычащий, бьющийся, окровавленный клубок; летучий демон остался один на один с разъяренным киммерийцем. Израненный, с надрубленным крылом, которое бессильно волочилось по земле, зверь Сета уже и не помышлял о нападении, лишь кое-как отбиваясь от стремительных атак северянина.

Рыжий ящер закричал вторично. Одна из четырех его лап, сломанная, беспомощно свисала вдоль тела; зато когти трех других вонзились глубоко в плоть Хатара, неловко оказавшегося перед резко повернувшимся вожаком. Гигант тряс ползуна за загривок, словно котенка; из-под когтей ящера летели красные струйки, Хатар отчаянно мотал круглой башкой, но нацелить свой смертоносный язык на своего противника ему никак не удавалось. Громадные рваные раны на его спине становились все больше и обильно кровоточили; каждый новый взмах когтистой лапы ящера заставлял Хатара корчиться от страшной боли; плоть безногой твари клочьями летела в разные стороны.

Зато одноглазый ползун несколько преуспел. Его громадные зубы почти перегрызли мощное бедро рыжего гиганта, щупальца, изловчившись, оплели и начали выламывать вторую лапу; хвост мятещегося демона несколько раз со свистом стегнул по спине и бокам одноглазого существа, оставляя длинные рваные раны, но ползун лишь глухо взревывал от боли, не оставляя хватки.

Конан понял, что еще немного - и его неожиданного союзника будет ожидать очень печальная участь; понимал - и в то же время никак не мог окончательно разделаться с неуклюже семенящим перед ним крылатым демоном. Тот защищался из последних сил; однако одолеть его сейчас было куда как непросто и такому великолепному воину, каким был киммериец.

Меч Конана раз за разом погружался в тело твари Сета - та дергалась, хрюпая вопила - но отдавать концы, несмотря ни на что, явно не собираясь; киммериец никак не мог нанести последнего удара.

А тем временем Хатар, корчась в муке, запрокинул-таки залитую кровью голову, его язык показался между изломанных страшным ударом ящера челюстей и струя яда брызнула прямо в глаза рыжему вожаку. И увернуться от нее он уже не успел.

Левая половина громадного тела замерла, словно оледенев; две лапы отказались повиноваться, и счастье еще, что одна из них и так была сломана, а вторую оплели десятки щупалец одноглазого ползуна. Однако и силы двух оставшихся правых лап хватило, чтобы яростным движением, в котором сквозила сила обреченности, с корнем вырвать почти все хватательные отростки из спины Хатара; сжимавшая шею ползуна лапа погружалась все глубже и глубже в тело, и вот, наконец, достигла шейных позвонков. С глухим ревом, в котором смешались и торжество, и боль, рыжий ящер вырвал лапу из глубокой раны; в окровавленной трехпалой кисти смутно белело начало позвоночного столба.

Морда Хатара ткнулась в измятую и залитую кровью траву; тело его тотчас обмякло.

Казалось, можно было бы торжествовать победу; однако в тот миг не выдержала наконец и берцовая кость рыжего ящера, треснув под зубами одноглазого ползуна. С отчаянным, совершенно человеческим криком гигант повалился набок. Ползун тотчас же потянулся зубами к его горлу, одновременно обвивая щупальцами еще действовавшие лапы своего противника.

"Ну же, Конан!"

Отбросив осторожность, варвар бросился в последнюю атаку. Он рычал и ревел ничуть не тише тварей Сета; летучий демон попытался было отпрыгнуть назад, но прыжок киммерийца был для него слишком быстр. Меч сияющей полосой сверкнул в воздухе; и без того искромсанное крыло отвалилось, отрубленное напрочь; вторым ударом северянин вогнал меч в бок врага по самую рукоятку. И на сей раз клинок дошел до глубоко упрятанного сердца.

Выдернув меч из опрокинувшейся набок туши, северянин поспешил развернуться. Он увидел одноглазого ползуна, уже обвившегося вокруг поваленного ящера, увидел кровь на горле мятежного демона...

- Айана! - неожиданно для самого себя крикнул Конан, бросаясь в атаку. Пять или шесть щупальцев попытались остановить его, метнувшись наперевес; он срубил одно, проскользнуло между двумя другими, пинком ноги отбросил четвертое... В два прыжка Конан оказался рядом с поверженным гигантом, вскочил на твердое, покрытое мощной роговой чешуей плечо и, уже чувствуя обвившееся вокруг пояса щупальце ползуна - оно подобралось сзади - что было сил рубанул по оставшемуся еще целым громадному фасеточному глазу.

Второй удар рассек вцепившееся в киммерийца серое щупальце; источающая непереносимый смрад пасть ползуна щелкнула возле самой груди Конана, и в тот же миг поваленный ящер, собрав последние силы, вонзил свои смертоносные когти в бок ползуну, примерно футах в трех ниже головы.

Рыжий ящер умирал, из широких ран на горле хлестала дымящаяся кровь, но мускулы его еще действовали и он щедро тратил последние мгновения отпущенного ему существования, пытаясь спасти киммерийца - меч Конана завяз в кости нижней челюсти чудовища, в плечи и торс варвара вцепились разом штук десять или даже больше хватательных хоботов, неумолимо тянувших северянина к развернутой смрадной пасти... Сил сопротивляться уже не оставалось.

Конан отчаянно упирался руками в нижний край пасти, когда когти рыжего ящера взломали панцирь ослепленного ползуна, пронзили толщу плоти и одним движением в ключья разорвали сердце демона.

И тут яд, извергнутый чуть раньше Хатаром, добрался до нервных узлов и правой половины тела умирающего ящера; он оказался полностью парализован.

Тело мертвого ползуна медленно покосилось и с мокрым громовым шлепком свалилось на землю. Смертельные объятия разжались. Конан скатился вниз.

Встать оказалось нелегко. Прощальные объятия чудовища, казалось, переломали все до единой кости в теле киммерийца; кое-как помогая себе рукой и опираясь на меч, Конан поднялся, все еще не веря, что остался в живых.

Рыжий ящер медленно повернулся к человеку уродливую голову; из рваных ран на шее выплеснулась кровь, видны были судорожно содрогавшиеся мышцы. Демон страшным усилием превозмог на несколько мгновений мертвящее действие яда. Страшные челюсти приоткрылись, и тихий хриплый голос с натугой произнес, обращаясь к неподвижно застывшему человеку:

- Убей меня этим мечом, друг!

Слова еще не успели отзвучать, как яд Хатара добрался до мускулов шеи и гортани. Демон умолк, теперь говорить могли одни только его глаза - однако Конан в жизни своей не видывал более красноречивого взгляда.

Киммерийцу доводилось слышать о свирепых обрядах некоторых племен пустыни,

которые приканчивали тяжелораненых прямо на поле боя, дабы не умножать их мучения, но самому ему такое проделывать еще не приходилось. Он мог с легкостью положить в бою не один десяток врагов, без всякого сожаления. Но убить беспомощное... беззащитное... да еще и спасшее тебя, пусть даже и жуткое страшилище, сотворенное злобным ночным демоном?..

"Убей же, не медли!" - отчаянно молили глаза умиравшего ящера. Человеческие глаза.

Конан даже закусил губу от злости на самого себя. И это он-то, уже давно потерявший к девятнадцати зимам счет убитым врагам - он не может подойти и облегчить страдания этого существа, неважно, демон он или, как Аррадерс, человек в чужом для него теле?!

"Ну же, во имя Крома!" - прикрикнул сам на себя киммериец. И - шагнув к умирающему гиганту, киммериец одним коротким и точным ударом вогнал меч в грудь ящера. Отчего-то он не сомневался, что бить следует именно сюда и что клинок быстро дойдет до сердца, без мучений оборвав нить жизни поверженного демона...

Тело в рыжей чешуе дернулось один-единственный раз и замерло. Ящер был мертв. Конан остался один посреди мертвого поля, посреди широкого круга вытоптанной травы и взрытой почвы, щедро орошенной кровью сражавшихся. А над головой весело и безмятежно светило невозмутимое солнце, которому все равно - празднует под его ласковыми лучами веселая свадьба или же идет смертельный и кровавый бой...

Так или иначе, Роща Свайолей, священная Роща дриады Айаны, была спасена. Киммериец исполнил взятое им на себя обещание. Твари Сета были мертвы - все до единой; однако что-то мешало Конану равнодушно повернуться спиной к побоищу и уйти восвояси требовать с хозяйки рощи обещанную награду. Киммериец во все глаза смотрел на распростертное тело рыжего ящера; и, хотя он ни на секунду не отводил взгляда, киммериец так и не смог понять, в какой момент тело чудовища внезапно утратило свой ярко-огненный цвет, исчезла чешуя, громадное тулowiще внезапно съежилось, втянулись далеко выдававшиеся вперед челюсти, исчез шипастый хвост, бесследно пропала вторая пара верхних когтистых лап... И лишь широко открытые мертвые глаза остались прежними. Через несколько мгновений перед Конаном на земле появилось неподвижное и окровавленное человеческое тело.

- Кром! - пробормотал потрясенный киммериец.

Лежавший перед ним оказался невысоким, мускулистым и коренастым мужчиной, с короткой и аккуратной черной бородой клинышком и чуть выющимися черными волосами. Скулы чуть выдавались, на оливковой коже лба виднелся застарелый беловатый шрам, оставленный, скорее всего, от сабельного удара погибший был, без сомнения, воином и притом туранцем.

- Гатадес!.. - прошептал киммериец.

Конан ни разу не видел этого таинственно исчезнувшего капитана тиридатовой гвардии, но помнил ходившие одно время по Шадизару слухи. Судя по описанию, погибший несколько смахивал на исчезнувшего, но можно ли в полной мере доверять молве?

Тем не менее, бросать его здесь было, конечно, нельзя. Киммериец взвалил тело себе на плечи и поневоле медленным шагом двинулся в глубь священной Рощи. За его спиной, привлеченное острым запахом крови с громким хлопаньем черных крыльев быстро слетелось ненасытное воронье.

ЭПИЛОГ

Айана продолжала сладко спать, когда киммериец со своей страшной ношей на плечах добрался до ее небольшого домика. Конан протянул было руку потрясти дриаду за плечо - но, взглянув на свои грязные, покрытые засыхающей кровью пальцы, тянувшиеся к белоснежному чистому плечу прекрасной хозяйки Рощи Свайолей, внезапно передумал, и его ладонь опустилась.

- Эй, Айана, - негромко окликнул он ее. - Просыпайся, все кончилось.

- Кончилось?! Что?! Что кончилось? - непонимающее вскинулось со сна дриада. - Конан!.. - вырвалось у нее, как только она смогла получше разглядеть стоявшего перед ней усталого воина. - Что... что случилось?!

- Что случилось?! - передразнил ее киммериец. - Все кончилось, женщина. Пойми это. Твои враги мертвы - все до единого. Они лежат там, - он указал направление кивком головы.

- Можно сходить поглядеть... А теперь скажи мне тебе знаком этот человек?

Взор Айаны упал на мертвое лицо Гатадеса.

- Конечно... - вырвалось у нее. - Это... это тот самый защитник, который погиб в бою у предпоследней рощи...

- Его надо предать достойному погребению, - жестко произнес Конан. - Он умер, как подобает умирать мужчинам. Хотел бы и я умереть так же.

Только теперь Айана наконец поняла, что случилось.

- Так ты... один... уложил всех демонов?! - замирая, еще боясь поверить в случившееся, прошептала она, глядя на варвара сияющими глазами.

- Не один! - отрезал Конан. - Если бы не Гатадес - да возвеселится его душа в чертогах Крома! - перед твоей рощей сейчас бы лежал я, а не они, а на месте Леса Свайолей... наверное, уже не осталось бы ничего живого.

- Ты великий герой! - восхищенно проворковала дриада.

- Да нет же! - вспылил северянин. - Я привык получать плату за сделанное. Слушай, женщина, я ведь не зря принес сюда это тело. Гатадес не погиб в прошлом бою! Его пленили и превратили в ящера - очевидно, прежнего все-таки сразил этот меч, - рука киммерийца похлопала по висевшему у пояса лезвию. - И тогда - как видно, в наказание, - Гатадеса поместили в то самое чудище, что погибло от его руки... Наверное, наложили особые чары, опутали волю... Впрочем, уже неважно, что они с ним сделали. Я сперва разрубил черный ошейник на Аррадерсе - и тот освободился; я решил, что для победы достаточно освободить от ошейников и остальных - но ошибся. Та, с костяным серпом - она ведь так и осталась рабыней Сета. Я было подумал, что с этими тварями все, значит, совсем по-другому... Ну и бросил я это дело, а, как выяснилось, зря. Ну что мне стоило... - киммериец с досадой оборвал себя, махнул рукой. - Ничего не поделаешь. Сожаление недостойно мужчины, а сделанного не переделаешь.

Рассказ киммерийца о случившемся длился не очень долго. Северянин тогда как-то не смог по обыкновению цветисто разукрасить свои подвиги. Тем не менее Айана охала, ахала, вскрикивала, всплескивала руками и вообще всеми возможными способами выражала свое восхищение и изумление.

- Я не ошиблась в выборе. Ты действительно величайший герой хайборийских земель!..

- Все это хорошо, женщина... Но давай поговорим о деле. Нужно ли мне охранять твою рощу и дальше, все тридцать оставшихся дней?

- А что, тебе тут плохо? - удивилась Айана. - Я думала... мне казалось... - она мучительно покраснела.

- Мой мир - там, - мотнул головой киммериец. - Ты прекрасна, о хозяйка Роши Свайлей... то есть нет, - поправился Конан, видя увлажнившиеся глаза дриады, - ты и в самом деле очень нравишься мне, Айана... ты совсем не такая, как женщины в Шадизаре...

- Так почему бы тебе не остаться здесь, Конан? - медленно, тихо и очень серьезно проговорила Айана. - Я не показала тебе и тысячной доли тех тайн и чудес, что скрываются в моем мире. Здесь есть враги, чтобы сражаться с ними, есть золото, чтобы добывать его...

- А доброе вино тут найдется? - осведомился Конан. - И вообще, Айана, почему ты говоришь - мой мир, мой мир? Разве мы не в одном дне пути от Шадизара? Насколько я помню, мы ехали очень недолго.

- Мы в сотнях и тысячах лет пути от Шадизара, мой Конан, - ответила Айана. - Мне будет сложно объяснить тебе это...

- Да и не надо, - отмахнулся киммериец. - Я же знал, что тут не обошлось без колдовства... Впрочем, это уже не важно. Но я все же хочу получить ответ: сколько еще продлится моя служба?

- Твари Сета мертвы, - ответила Айана. - И он еще не скоро сможет сотворить новых - звезды ему не благоприятствуют.

- Значит, - напирал Конан, - роще ничто не угрожает и я свободен?

Айана опустила голову.

- Я хотел бы получить свою плату и отправиться восвояси, - сказал киммериец. - Понимаю, не дело требовать с тебя все приличающееся мне, хотя, по-моему, здесь золото тратить все равно не на что. Мне пора, Айана. Больше для твоей рощи я сделать ничего не могу.

- Конан! - пролепетала дриада, еще ниже нагибая голову и в волнении стискивая переплетенные пальцы. - Конан, я должна покаяться перед тобой. Ты прав, здесь негде потратить золото - так же, как и неоткуда его взять. Прости меня, Конан... я обманула тебя. Я не платила тебе турецкими монетами. Это была лишь иллюзия, временный морок - не больше.

Киммериец побагровел, его густые брови грозно сошлись.

- А... как же та монета, которую я дал трактирщику?

- Мне пришлось потратить много сил, убеждая его в том, что ее украли у него из-под носа. Он теперь сильно горюет и клянет себя на чем свет стоит.

- Ты лгунья, женщина, - неожиданно ровным голосом произнес киммериец, глядя прямо перед собой. - Я подозревал это с самого начала. Ты и так обманом заманила меня сюда; что ж, нечего и удивляться твоей второй лжи. Ты использовала меня как тупого наемника, ты решила, что...

- Но ведь ты сражаешься только ради золота, разве не так? - вдруг прервала его дриада. - Разве ты отправился бы по собственной воле со мной, расскажи я тебе правду?! Мне нужно было спасти Рошу, Конан. Если бы она погибла, я сгинула бы тоже. А теперь... мой долг исполнен. Роша спасена. Если хочешь - убей меня; может, тебе станет от этого легче.

С минуту киммериец стоял, кипя от негодования, кусая губы и тиская в могучей ладони рукоятку заветного меча. Его душило от ярости; он чувствовал, что его провели, точно

мальчишку, заставив сражаться не на жизнь, а на смерть - и во имя чего?!

- Но разве, войдя в Рошу, ты не понял, что за нее стоит сражаться, несмотря ни на что? - услыхал он слова Айаны. - А кроме того... - она вдруг положила обе ладони себе на живот. - Через девять месяцев у меня родится твой сын. Неужели ты не хочешь быть вместе с ним, чтобы сделать из него величайшего бойца всех бесконечных миров - ведь он унаследует не только твои ловкость, силу, храбрость, но и мою волшебную силу?

У Конана в глазах все помутилось.

- Отправь меня в Шадизар! - прорычал он, угрожающе выдвигая клинок из ножен. - Отправь, не то...

- Поздно, Конан. - Айана выпрямилась, ее глаза горели торжеством. Слишком поздно. Боги сделали свой выбор. Ты не уйдешь отсюда. Ты станешь родоначальником новой расы полубогов, хранителей спокойствия заповедных мест великих воителей, верных соратников тех, что сидят на Высоких Престолах. Граница закрыта, путь назад отрезан. Смирись, гордый воин!

- Кром! - зарычал северянин, выхватывая давно просившийся в дело меч. Лучше бы ты позаботилась о бедняге Аррадерсе, ему-то вот точно закрыта дорога в мир людей - а не строила бы планы, как использовать меня тут, словно я - племенной бык. Нет, женщина. Это тебе не удастся. Ты уже трижды обманула меня. Я такое не прощаю. Клянусь моим пращуром, Кромом, я сам смогу порубить твою Рошу не хуже каких-то там жалких тварей Сета!

И тут заговорил Старейший свайоль.

- Отпусти его, Айана, - пронесся над притихшей Рошой его странный, нечеловеческий голос. - Он должен жить в своем собственном доме. Не удерживай дикого волка. Пусть он уйдет.

- Но так решили сами Высокие Боги, о Старейший! - вскричала дриада.

- Даже они не всеведущи и могут ошибаться. Следуй голосу своей совести, а не только исполняй их приказы.

- Голос моей совести как раз и велит мне удержать его! - в отчаянии воздела руки Айана. - Высокие Боги видят - я люблю его... я рожу ему сына. Я не хочу, чтобы он уходил!

- Но он этого хочет, - невозмутимо молвил Старейший. - Не препятствуй ему и смирись, о дщерь Кристального Неба! И - поверь мне - я предвижу, что вы еще свидитесь.

- Нет! Нет! Нет! - кричала Айана, из глаз ее быстро-быстро капали слезы...

И тогда Конан решил. В этот миг его не заботило - кто эти Высокие Боги и что там соблаговолило втремяшиться в их божественные головы; он хотел одного - вновь оказаться дома. В Шадизаре, на худой конец - в Киммерии или в Немедии; и он пошел на отчаянный шаг.

Рука киммерийца схватила дриаду за длинные, роскошные волосы; спустя мгновение меч Аррадерса был уже приставлен к ее груди.

- Эй, вы, там, вы, кого здесь именуют Высокими Богами! - надсаживаясь, заорал Конан прямо в небо, высоко задирая голову. - Немедленно отправьте меня домой, иначе, клянусь Кромом, мне придется сперва убить эту лгунью, а затем оставить от Роши Свайолей, которую я только что защищал, не щадя жизни, одни только пни! Выбирайте, и выбирайте быстро, я уверен, что вы меня слышите!

Сперва ответом ему была только страшная, гробовая тишина; Айана обмякла, похоже, лишилась чувств...

А потом воздух между Отцом-Древом и одним из ближайших к нему свайолей вдруг задрожал, точно над раскаленной железной печкой, и из этого мерцания вдруг появилась женщина, облаченная в свободные травянисто-зеленые одеяния. Прибывшая остановилась в пяти шагах от замершего киммерийца, который был не в силах оторвать глаз от самого прекрасного, воистину божественно прекрасного лица и внимательных бездонных глаз, полных тревогой и боли, что смотрели сейчас на него.

- Ты не знаешь, от чего ты отказался, Смертный, - прозвучал тихий голос, словно ветерок пробежал по ветвям кустов. - Но будь же по-твоему. Я не могу рисковать жизнью моей единственной и любимой дочери, потому что я знаю тебя, киммериец Конан. Будь по-твоему! Ты хочешь оказаться вновь в Шадизаре?..

И не успел северянин промолвить и слова, как мир в его глазах померк, а когда спустя несколько секунд разноцветная карусель остановилась, он увидел, что стоит на пороге знакомой таверны Абулетеса. Дождь прекратился, над Шадизаром занималось утро; где-то в отдалении слышались унылые голоса начинавших рабочий день метельщиков и водоносов.

Конан оглядел себя. На его поясе висел его собственный старый клинок, меч Гатадеса исчез бесследно; однако кроме этого рядом с ножами обнаружился увесистый кожаный мешочек. Заглянув в него, Конан обнаружил, что кошель полон тяжелых турецких монет, и на сей раз это было нормальное золото, в меру потертое, в меру поцарапанное...

Киммериец ухмыльнулся и принял считать добычу. Однако же, закончив это занятие, он только и мог, что с презрением покачать головой.

- Ну и скаредны же вы, именуемые Высокими Богами: вы заплатили мне ровно за три дня службы!..

Все еще усмехаясь и покачивая головой, Конан распахнул дверь таверны.